

Кн. Воскрес
ЖЕНЩИНА у ИНОРОДЦЕВЪ

ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ 1854—1859 гг. д-ръ Густавъ Клеммъ издалъ въ Дрезденѣ довольно обширное сочиненіе о женщинахъ, подъ названіемъ: „Культурно-историческія изображенія состоянія и вліянія женщинъ въ различныхъ странахъ и вѣкахъ“. По занимательности предмета, по легкости изложенія, по многочисленности собранныхъ и искусно сгруппированныхъ въ немъ фактовъ, это сочиненіе вполнѣ заслуживало бы перевода на русскій языкъ, только русскому переводчику представилась бы необходимость сдѣлать къ своему труду значительныя прибавленія о состояніи женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ и о состояніи ея между нашими многочисленными и разноплеменными инородцами, потому что Клеммъ, вѣроятно, по малодоступности для него источниковъ, коснулся этого предмета довольно поверхностно. Оно и не удивительно: мы можемъ еще указать на одно или два сочиненія въ нашей исторической литературѣ, посвященныя состоянію собственно нашихъ русскихъ женщинъ въ древнемъ обществѣ; но что касается до положенія женщинъ между инородцами, то свѣдѣнія объ этомъ разбросаны въ столькихъ разнообразныхъ и часто рѣдкихъ сочиненіяхъ, что составленіе свода заключающихся въ нихъ фактовъ представляетъ и для русскаго писателя трудъ весьма не легкій, для иностраннаго же онъ едва-ли возможенъ. Съ своей стороны, желая сколько-нибудь пособить въ этомъ дѣлѣ будущему переводчику Клемма, мы постараемся представить въ настоящей статьѣ всѣ извѣстныя намъ свѣдѣнія о состояніи женщины между инородцами Томской губерніи. Трудъ нашъ, конечно, не будетъ представлять ничего особенно новаго; но, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ составлять сводъ достовѣрныхъ свѣдѣній по настоящему предмету.

Инородцы Томской губернии состоятъ преимущественно изъ аборигеновъ страны. По своему происхожденію, они раздѣляются на три племена: 1) *Финское*, 2) *Самойдское* и 3) *Тюркско-Монгольское*. Самойдское племя, какъ извѣстно, составляетъ переходъ отъ Финскаго къ Тюркско-Монгольскому.

Къ Финскому племени изъ аборигеновъ губернии принадлежать Остяки.

Знаменитый изслѣдователь Финскихъ народовъ, Кастрень, причисляетъ Остяковъ къ Угрской вѣтви финскаго племени. До'его изслѣдованій всѣ ученые полагали, что Остяки занимаютъ въ Томской губернии весь Нарымскій край; но Кастрень первый доказалъ, что они обитаютъ здѣсь на весьма незначительномъ пространствѣ и не многочисленны ¹⁾. Онъ отводитъ имъ только одну водную систему Васъ-Югана, за исключеніемъ притока ея Чижанки; что же касается до численности Остяковъ, то она простирается не свыше 1,090 душъ обоюго пола.

Остяки, живущіе по Васъ-Югану, сильно придерживаются язычества и боятся образованія и цивилизаціи вслѣдствіе глубоко-укоренившагося убѣжденія, что всякое со стороны пришедшее просвѣщеніе уничтожитъ ихъ національность и сдѣлаетъ ихъ русскими. Будучи, большею частію, крещены, Остяки затѣмъ ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что увѣрены, что нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись русскимъ. Вообще, Остяки изъ опасенія утратить свою національность не покидаютъ лѣсовъ и пустынь, недоступныхъ для иноземной цивилизаціи, потому что рѣки, ведущія къ ихъ жилищамъ, недоступны ни къ какой правильной коммуникаціи, хотя Остяки и плаваютъ по нимъ въ своихъ челнокахъ.

Васъ-Юганскіе Остяки занимаются почти исключительно рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Они ведутъ доселѣ полукочевой образъ жизни, перемѣняютъ жилища каждую осень и весну, а зимою отправляются далеко въ лѣса охотиться. Они живутъ въ жалкихъ юртахъ изъ бревень, торфу и древесной коры. Во всѣхъ этихъ юртахъ нѣтъ ни половъ, ни оконъ. Первые замѣняются сѣномъ, рогожами, оленьими шкурами; вторыя — отверстіемъ въ стѣнѣ, закрываемымъ льдомъ, пузыремъ, налимовою шкурою; иногда это отверстіе дѣлается и въ крышѣ. Въ бревенчатыхъ юртахъ бываетъ или очагъ въ углу, или мѣсто для огня по срединѣ. Первый употребляется преимущественно зимою, второе — лѣтомъ. Въ торфяныхъ юртахъ или землянкахъ живутъ только зимою и потому

¹⁾ Пут. А. Кастрена по Лапландіи, Сѣверной Россіи и Сибири. Въ VI т. Магазина Землеустройства и путеш. П. Фрлова. Москва, 1860 г.

они всегда съ очагомъ. Юрты изъ бересты — лѣтнія жилища Остяковъ, и потому въ нихъ въ среднѣй мѣсто для огня.

Интересенъ взглядъ, которымъ Остякъ окидываетъ вообще незнакома вначалѣ. Это взглядъ охотника, надбющагося на добычу и въ то же время опасющагося, какъ-бы самому не сдѣлаться жертвою. Въ этомъ взглядѣ выражается желаніе слабаго существа обезопасить себя и, если возможно, овладѣть своимъ противникомъ. Это проявляется, впрочемъ, и во всемъ обращеніи Остяка. Все въ немъ хитрость и обманъ, притворное смиреніе и покорность. Онъ безпрестанно толкуетъ о Богѣ и великомъ Государѣ, расхваливаетъ избранныхъ Царемъ и Господомъ, жалуется на свою бѣдность и на убытки, которые терпитъ отъ поселенцевъ. Но лишь только разговоръ коснется предметовъ, казущихся Остяку подозрительными, онъ тотчасъ прикидывается глупымъ, безтолковымъ, жалкимъ. Впрочемъ, нѣкоторая степень скрытности дѣйствительно есть въ характерѣ Остяковъ; все же остальное — мелкая хитрость, крайнее смиреніе и жалкій видъ — маска, надѣваемая при случаѣ и вскорѣ сбрасываемая, и тутъ Остякъ становится простымъ, прямымъ, честнымъ сыномъ природы, немного только угрюмымъ, грубымъ и упрямымъ.

Этой шероховатости характера соответствуетъ и внѣшность Остяка. Палласъ описываетъ ее такимъ образомъ: ¹⁾ „росту они больше средняго и малаго, сложенія слабаго и сухаго. Лица почти все непріятнаго, блѣднаго и плоскаго, только никакихъ нарочныхъ фигуръ на лицѣ не имѣютъ. Волосомъ рыжеваты или на русые похожими, кои у мужчинъ вокругъ головы висятъ космами, что ихъ еще нуще обезображиваетъ; въ женскомъ полѣ, особливо кои въ лѣтахъ, рѣдко находятся хорошія“. „Къ этому описанію, говоритъ Кастрень, ²⁾ я долженъ прибавить, что бѣлолицыхъ и бѣлокурыхъ Остяковъ я встрѣчалъ, конечно, много, но еще больше смуглыхъ и черноволосыхъ. Впрочемъ, Остяки вовсе не принадлежатъ къ безобразнѣйшимъ сибирскимъ племенамъ; между ними не встрѣтишь такихъ плоскихъ носовъ, узкихъ глазъ и уродливо-широкихъ скулъ, какъ у Тунгусовъ и Монголовъ; они гораздо ближе къ племени Финскому, Самоѣдскому и Тюркскому. Впрочемъ, надо сказать, что ихъ типъ не выработался, вѣроятно, вслѣдствіе смѣси съ широкими племенами“. Что касается до одежды, то обыкновенная, верхняя одежда ихъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, — нѣчто вродѣ полукафтаныя или пальто, похожее на финское *mekko*, только покороче послѣдняго. Будничное полукафтаные это изъ грубой ткани; праздничное — изъ сукна

¹⁾ Путеш. по разн. провинц. Росс. Госуд. С.-Петербург. 1788 г. Ч. III, 50.

²⁾ Кастр., 196.

или изъ какой-нибудь другой, болѣе тонкой матеріи, по большей части синяго или зеленаго цвѣта; воротникъ и отвороты непременно другаго цвѣта, и, сверхъ того, нѣкоторые, для большей красоты, окаймляютъ его еще краснымъ сукномъ или мѣхомъ. Оно всегда, по крайней мѣрѣ въ будни, стягивается широкимъ кожанымъ поясомъ, за которымъ заткнуть ножъ съ черенкомъ, обложеннымъ оловомъ. Мужчины носятъ высокія, остро-конечныя шапки, съ широкими, свѣшивающимися на уши лопастями. Женскій головной уборъ состоитъ изъ длиннаго, спускающагося до плечъ платка, оставляющаго шею болѣею частію обнаженной; иногда однако жѣ онѣ обвертываютъ ее особеннымъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ. Перчатки шьются изъ разноцвѣтныхъ оленьихъ шкурокъ или суконныхъ полосокъ. Щеголихи убираются множествомъ ожерельевъ и разнаго шитья бусами на воротникѣ, обшлагахъ, перчаткахъ, башмакахъ и поясѣ; къ сему послѣднему, къ длиннымъ, фальшивымъ косамъ и головному платку онѣ прицѣпляютъ еще желѣзныя, жестяныя и мѣдныя бляшки, вѣроятно для того, замѣчаетъ Кастрень, ¹⁾ чтобы звономъ и бряцаніемъ ихъ обратить на себя вниманіе молодыхъ парней, т. е. покушниковъ.

Слово „покушникъ“ употреблено здѣсь неслучайно: невѣста у Остяковъ покупается, какъ всякій другой товаръ, и причина этому та, что женщина у нихъ не только рабыня въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, но, мало того, она считается существомъ нечистымъ и живетъ въ самомъ глубокомъ пренебреженіи ²⁾.

При рожденіи женщина не получаетъ никакого имени: весь свой вѣкъ она слыветъ подъ названіемъ *ими*—баба ³⁾.

Въ юртѣ женщины обыкновенно сидятъ поодаль отъ мужчинъ и, смотря по присутствію здѣсь родственниковъ, съ закрытымъ или открытымъ лицомъ, а, сообразно этому, обернувшись спиною къ огню или нѣтъ. Извѣстно, что у Остяковъ искони ведется обычай, что невѣстка не должна показывать лица свекру, жена младшаго брата—старшему, внучка—дѣду. Эти родственныя отношенія лишаютъ женщинъ иногда необходимаго свѣта и теплоты въ юртѣ ⁴⁾.

Во время какого-нибудь шра, особенно если есть гости, женщины не смѣютъ ничего тронуть и ѣдятъ только то, что осталось отъ мужчинъ ⁵⁾.

Во время обыкновенныхъ менструацій женщина не только не смѣетъ спать съ мужемъ, но даже и прикасаться къ его одеждѣ ⁶⁾.

¹⁾ Idem, 259.

²⁾ Id., 191.

³⁾ Пал., 70.

⁴⁾ J-em.; 70, Зап. Импер. русск. Геогр. общ., к. VI, 286.

⁵⁾ Зап. Географ. общ., к. VI, 282.

⁶⁾ Бѣлавскій: Поѣздка къ Ледовитому морю. Москва. 1833, 110.

Она никогда не смѣетъ прикасаться къ рыболовнымъ или охотничьимъ снарядамъ, потому что, въ такомъ случаѣ, уловъ рыбы или звѣря будетъ неудаченъ ¹⁾.

Точно также пренебрежена и ничтожна личность женщины и въ то время, когда отецъ, братъ или какой—нибудь другой родственникъ продастъ ее тому, кто болѣе дастъ. Ея собственныя желанія, если она осмѣлится имѣть ихъ, не имѣютъ при-этомъ никакого значенія ²⁾.

Свадебное дѣло у Остяковъ происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Достигнувъ надлежащаго возраста и задумавъ жениться, Остякъ собираетъ къ себѣ товарищей и, выбравъ одного изъ нихъ сватомъ, отправляется къ мѣсту, гдѣ живетъ отецъ, братъ или какой-нибудь другой старшій родственникъ выбранной имъ невесты. Здѣсь всѣ поѣзжане прямо входятъ въ юрту. Отецъ, у котораго есть дочь на возрастѣ, сейчасъ догадывается въ чемъ дѣло и начинаетъ угощать посѣтителей чѣмъ случится. Порядочно закусивъ, гости отправляются въ другую юрту. Отсюда женихъ посылаетъ свата сказать отцу или другому родственнику невесты о цѣли своего пріѣзда и узнать о размѣрѣ платы (по-остяцки *тани*, по-татарски *калымъ*), которую онъ долженъ за нее внести. Тутъ начинаются продолжительные переговоры, и бѣдный сватъ бѣгаетъ то туда, то сюда, уговаривая отца невесты, чтобы онъ понизилъ требуемую плату, а жениха чтобы повысилъ ее. Наконецъ уговариваются. Цѣна молодой дѣвушки различна по мѣстностямъ. Дочь богатаго человѣка стоитъ отъ 50 до 100 оленей; бѣдный продаетъ свое дитя за 20 и 25 головъ или сообразную съ этимъ другую цѣнность. Причина бѣльшей цѣны дочери богатаго—кромѣ богатѣйшаго приданаго, надежда жениха на пособіе со стороны тестя въ будущемъ. Дорогая жена разсматривается здѣсь какъ дорогой товаръ, приносящій современемъ гораздо болѣе прибыли, чѣмъ дешевый. Взносъ за невесту принимается, впрочемъ, отцомъ не какъ пособіе, которое современемъ должно возратить, но какъ дѣйствительная плата за получаемый товаръ. По понятіямъ Остяковъ, нѣтъ ничего справедливѣе такого вознагражденія отца или воспитателя дѣвушки: вѣдь онъ выдаетъ ее въ такомъ возрастѣ, когда она совершенно способна къ работѣ. Кто же можетъ требовать, чтобы въ семьѣ, ему чуждой, даромъ вскармливалась, вскармливалась для него жена, которая на всю жизнь дѣлается его рабой и работницей? Отецъ могъ бы оставить дочь свою при себѣ и работой своей она вознаградила бы вполне все, что онъ издержалъ на ея воспитаніе. Если же онъ добровольно отдаетъ свою законную соб-

¹⁾ Jdem. 111.

²⁾ Каспр., 191.

ственность чужому человеку, то справедливость требует, чтобы и послѣдній вознаградилъ его за всѣ труды и издержки, употребленные имъ на его будущую жену. Однимъ словомъ, возносимый за женъ выкупъ есть вознагражденіе отцу за содержаніе и воспитаніе дочери. По предварительному согласію, онъ можетъ быть внесенъ до свадьбы или послѣ нея, за одинъ разъ или по частямъ. Во всякомъ случаѣ женихъ условливается съ будущимъ тестемъ о времени свадьбы и, при наступленіи ночи, прѣзжаетъ къ нему, входитъ въ особо приготовленную для этого случая юрту и ложится на постель. Спусти нѣсколько времени приходитъ невѣста и ложится подлѣ жениха на особой постелѣ, подъ особою шубою, пока не погасятъ огня. Иногда случается, что до этого времени женихъ только разъ или два видѣлъ невѣсту и не говорилъ съ нею ни слова. Поутру теща спрашиваетъ зятя, доволенъ ли онъ женою? Если зять доволенъ, то долженъ сейчасъ же подарить тецѣ платье, олень или что-либо другое. Кожу, на которой молодые спали, мать невѣсты разрѣзываетъ на мелкія части и разбрасываетъ повсюду въ знакъ торжества, такъ какъ дочь ея пришла къ мужу какъ должно. Напротивъ, если молодой не доволенъ своею женою, то теща должна сдѣлать ему надлежащій подарокъ. Послѣ этого молодой можетъ, когда ему угодно, ѣздить къ женѣ и спать съ нею, но перевезти ее къ себѣ имѣетъ право только тогда, когда уплатить весь *тани* (калымъ). Впрочемъ бываетъ и такъ, что мужъ на другой же день свадьбы увозитъ жену къ себѣ въ юрту, конечно, украдкою. Въ предупрежденіе этого тесть принимаетъ свои мѣры и если, внослѣдствіи времени, дочь прѣдетъ къ нему въ гости, то онъ задерживаетъ ее до тѣхъ поръ, пока зять неуплатитъ всего *тани*. Если выкупъ внесенъ до свадьбы и женихъ или невѣста умретъ до совершенія брака, то выкупъ возвращается. Въ случаѣ смерти невѣсты, женихъ, за внесенный выкупъ, можетъ требовать ея сестру, если только она есть ¹⁾

Считаясь христіанами, здѣшніе Остяки ограничиваются только одною женою. Но зато у нихъ дозволяется брать замужъ и снохъ, и мачихъ, и надчерицъ, и другихъ родственницъ съ женщиной стороны. Младшій братъ обязанъ жениться на вдовѣ старшаго; но два брата не могутъ жениться на двухъ сестрахъ, хотя бы послѣднія происходили отъ разныхъ матерей. Наболѣе берутъ сестеръ изъ того рода, изъ котораго была взята первая жена, считая, что такойъ бракъ бываетъ счастливѣе, но при этомъ имѣется въ виду и тотъ расчетъ, что, въ такомъ случаѣ, женихъ платитъ тестю уже только половину выкупа, внесеннаго за первую его дочь. Взять жену изъ собственного своего рода и одного съ собою проз-

¹⁾ Пал. 68 и слѣд., Кастр. 191.

вища Остякъ считается за грѣхъ и стыдъ, такъ какъ родство считается только по мужскому полу. Поэтому, если какая-нибудь Остячка вышла за кого-нибудь замужъ изъ другого рода и родила дочь, то братья ея или его дѣти безъ затрудненія могутъ жениться на своей племянницѣ и двоюродной сестрѣ. Короче, всѣ браки у Остяковъ дозволены, лишь бы женихъ и невѣста не назывались однимъ именемъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи Остяки сходятся со многими другими племенами, живущими въ различныхъ частяхъ свѣта, напримѣръ съ американскими индѣйцами, у которыхъ браки съ женщинами изъ одного и того же рода также обставлены цѣлымъ рядомъ запрещеній, но у которыхъ родство считается, однако же по матери, а не по отцу. Разсматривая этотъ обычай, Тайлоръ говоритъ: ²⁾ „Вѣроятно простой опытъ тѣхъ золь, которыя могутъ произойти отъ брака между близкими родственниками, былъ главнымъ основаніемъ этого ограниченія въ различныхъ частяхъ свѣта. Профессоръ Лазарусъ, у котораго я спрашивалъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, высказалъ мнѣ этотъ взглядъ, справедливо замѣтивъ, что наблюденія и разсужденія дикихъ бывають часто весьма точны въ практическихъ вещахъ, не требующихъ для наблюденія надъ собою никакихъ орудій, и что старые люди, сдѣлавшіе личный опытъ пяти или шести поколѣній сряду, имѣють надежное основаніе судить о такомъ предметѣ. Если это физиологическое препятствіе часто преувеличивается за, предѣлы разумныхъ границъ и было главнымъ основаніемъ этихъ родовъ ограниченій, то ихъ разнообразныя, неправильныя и несоотвѣтственныя формы могли произойти отъ столкновенія съ другими причинами. Одна изъ этихъ причинъ главнымъ образомъ та, что система прозваній, родовыхъ именъ, фамилій и проч. служить преимущественнымъ средствомъ для веденія рода. Но эта система по необходимости односторонняя, и хотя она совершенно сохраняетъ передачу потомства или по мужской или по женской линіи, но не можетъ передавать ихъ обѣ разомъ. На практикѣ, расы, держащіяся такой системы передачи, должны были выбрать какую нибудь изъ двухъ линій, мужскую или женскую, которую они желали сохранить родовымъ именемъ или какимъ нибудь другимъ признакомъ, между тѣмъ, какъ другая линія, не имѣя такихъ легкихъ средствъ передачи, оставалась болѣе или менѣе въ небреженіи, и вскорѣ совсѣмъ терялась изъ виду. При такихъ обстоятельствахъ, совершенно естественно, что на признакъ стали обращать больше вниманія, чѣмъ на сущность, на имя болѣе, чѣмъ на родство, которое оно напоминаетъ, и чтобъ входили въ силу такіе односторонніе ряды запрещеній, то касающихся болѣе женской

¹⁾ Кастр. id. 192, Пал. 68; Бѣляевск. 118.

²⁾ Довсторич. бытъ челоуѣка. Москва. 1868 г., 387.

стороны, чѣмъ мужской, то мужской болѣе, чѣмъ женской, грубо сопоставляли одностороннее родство, которымъ должна сохраниться передача потомства. Въ полный разборъ этого вопроса должны бы были войти и другія причины, такъ, напримѣръ, желаніе связать различныя племена вмѣстѣ узами родства посредствомъ взаимныхъ браковъ, а также и мнѣніе, что жена есть раба, которую не слѣдуетъ брать у своего собственнаго народа, но которую надо похищать у чужихъ“.

Чувствуя свое глубокое униженіе, остяцкая женщина, выйдя замужъ, покоряется всѣмъ прихотямъ мужа. Въ юртѣ она ни что иное, какъ рабочей скотъ: въ случаѣ надобности, она переноситъ ее съ мѣста на мѣсто, шьетъ платье для себя, для мужа и для дѣтей, вяжетъ изъ камыша ковры, готовитъ кушанье, носитъ воду, рубитъ дрова, короче, исправляетъ всѣ житейскія нужды. Мужчина не заботится ни о чемъ, кромѣ своихъ промысловъ—рыболовныхъ и звѣроловныхъ, и часто по недѣлѣ не удостоитъ жену хоть скольконибудь ласковымъ словомъ. Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, что у Остяковъ мужъ не имѣетъ права бить свою жену безъ дозволенія отца или другаго родственника, у котораго онъ купилъ ее, потому что, „въ противномъ случаѣ, замѣчаетъ Палласъ, раздраженная баба ушла-бы къ отцу, чтобы онъ калымъ за нее назадъ отдалъ, а ее за другаго-бъ выдалъ“. Но Кастрень положительно увѣряетъ, что это не вѣрно. „Меня самого, говоритъ онъ, нѣсколько разъ пробуждали крики жены, вырываемые побоями мужа; съ годъ тому назадъ, въ Цингалинскихъ юртахъ, производилось даже формальное слѣдствіе о томъ, что одинъ Остякъ буквально засѣкъ свою жену до смерти 1)“.

Супружескія связи между Остяками вообще соблюдаются строго 2). Впрочемъ, по отзывамъ лицъ, коротко знакомыхъ съ этимъ племенемъ, Остяки не ревнивы 3).

Когда для Остячки наступитъ время родовъ, то она изъ общей юрты отдѣляется въ особенную и, по рожденіи младенца, проживаетъ въ ней до 5 недѣль; потомъ, для очищенія, родильница разводитъ огонь и бросаетъ въ него какое-нибудь пахучее вещество, трижды перепрыгиваетъ черезъ огонь, окуривается и, наконецъ, возвращается въ общую юрту 4). Безъ этого обряда она считается не чистою.

Остячки неплодородны; да и вообще трудно встрѣтить остяцкое семейство, въ которомъ было бы трое или четверо живыхъ дѣтей. Причина этому та, что, вслѣдствіе грубаго содержанія и дурной пищи, мно-

1) Пал. 70; Бѣляв. 120; Кастр. 231.

2) Кастр. 265.

3) Пал. 70; Бѣл. 124; 3 г. Об., к. VI, 294.

4) Зап. Р. г. общ., к. XII, 335.

гія дѣти умирають вскорѣ послѣ рожденія. Находясь постоянно въ работѣ, матери таскають дѣтей въ корзинкахъ по сырости и холоду, хотя и кормятъ ихъ грудью до тѣхъ поръ, пока они сами не отстануть, т. е. иногда до 5 лѣтъ. Отцы обращаются съ родными дѣтьми хорошо, но съ пасынками и падчерицами иногда чрезвычайно жестоко ¹⁾.

При погребеніи мужа, Остячка, въ знакъ сожалѣнія о покойномъ, царапаетъ себѣ ногтями лицо; рветъ волосы и, окровавленные, бросаетъ ихъ на трупъ, въ полной увѣренности, что душа мужа чрезъ нѣсколько дней придетъ удостовѣриться о томъ, какъ она горевала объ его кончинѣ. Кромѣ того, она обдѣлываетъ дерево на подобіе человѣка, одѣваетъ его въ одежду мужа и ставитъ на то мѣсто, гдѣ покойный обыкновенно сидѣлъ, поддуетъ его тѣмъ, что онъ болѣе любилъ, ночью кладетъ его съ собою спать и цалуетъ его. Такимъ образомъ поступаетъ она съ этимъ изображеніемъ около года и потомъ зарываетъ его въ землю съ воплями и слезами. Въ новый бракъ она можетъ вступить не ранѣе, какъ чрезъ годъ ²⁾.

Низкое положеніе женщины между Остяками обнаруживается, между прочимъ, и тѣмъ, что она никогда не наследуетъ. Все имущество умершаго раздѣляется поровну между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ женскихъ членовъ семьи. Сыновья, оставшіеся несовершеннолѣтними по смерти отца, поступаютъ, вмѣстѣ со всѣми женщинами въ семействѣ, въ опеку къ ближайшимъ родственникамъ, которые за это участвуютъ въ наследствѣ наравнѣ съ сыновьями. Если покойный не оставилъ послѣднихъ, то имѣніе его дѣлится между его близкими и дальними родственниками, по взаимному ихъ соглашенію, причемъ они обязуются заботиться о содержаніи вдовы и дочери ³⁾.

Въ случаѣ смерти остяцкой женщины, ее хоронятъ только женщины, мужчины участвуютъ въ этомъ только приготовленіемъ могилы. Покойницу одѣваютъ въ ту одежду, которою она носила, и кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ нею иголки, нитки, наперстокъ и другія хозяйственныя вещи. Похороны происходятъ въ самый день смерти или не далѣе какъ на другой день. На похоронахъ мужчины на поминки убиваютъ оленя; для женщинъ этого, кажется, не дѣлается ⁴⁾.

Остяковъ вообще и Остячекъ въ частности укоряють въ нечистоплотности. „Нечистаго поведенія сея нація, говоритъ Палласъ, ⁵⁾ довольно

¹⁾ Пал. 70; Бѣляв. 122 Кастр. 265.

²⁾ З. г. Общ., к. XII, 335; Пал. 78; Кастр. 192.

³⁾ Кастр. 192.

⁴⁾ Пал. 72; З. Р. г. общ., к. VI, 353.

⁵⁾ Пал. 58; З. Р. г. общ., к. VI, 286.

безъ омерзенія нельзя представить. Мытіе рукъ у нихъ неизвѣстное дѣло: бабы моютъ только тогда свои пальцы, когда или рыбу чистятъ, или когда вареную изъ котла вынимаютъ, и тогда ~~обмокшіе~~ тотчасъ опять вытираютъ своей шубой. Чашекъ никогда не полощутъ, хотя бѣ собаки вмѣстѣ съ людьми ѣли“. О дальнѣйшихъ примѣрахъ неопрятности женскихъ желающіе могутъ прочесть у Палласа. Но Кастрень совершенно справедливо замѣчаетъ, ¹⁾ что подобное неряшество „свойство всѣхъ рыболовныхъ народовъ; оно не меньше и на норвежскихъ берегахъ. Многія занятія рыболова не чистоплотны сами по себѣ: на промыслахъ онъ живетъ въ временномъ тѣсномъ жилищѣ, въ которомъ негдѣ помѣстить и всѣхъ изорванныхъ, полусопрѣвшихъ одеждъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись въ этомъ многотрудномъ занятіи. Дымъ увеличиваетъ еще болѣе нечистоту внутри, а снаружи скопляются внутренности выпотрошенныхъ рыбъ, не только отвратительныя на взглядъ, но и заражающія воздухъ своимъ гніеніемъ. Рыбакъ часто работаетъ безъ отдыха дни и ночи; гдѣ-жъ тутъ время заботиться о чистотѣ своего тѣла, не только что о чистотѣ своего жилища, и неопрятность мало-по-малу переходитъ въ привычку. Но врожденною назвать ее нельзя, ибо ею отличаются только рыбаки, но не кочевые оленеводы“.

Самоѣдское племя, обитающее нынѣ въ Томской губерніи, до путешествія Кастрена считали за Остяковъ. Кастрень опредѣляетъ область Самоѣдовъ въ слѣдующихъ границахъ: на сѣверѣ она начинается отъ предѣловъ Тобольской губерніи, занимая все теченіе рѣки Оби отъ устья Тыма, на сѣверѣ до Ашбарскихъ юртъ, т. е. 25 верстъ выше устья Чулыма на югѣ; потомъ распространяется по правымъ и лѣвымъ притокамъ Оби: Тыму, Кети, Парабели, Чаю, Чижанкѣ и самому нижнему теченію Чулыма, по которому лежатъ только двѣ самоѣдскія волости. Въ Томской губерніи этого племени считается около 6,520 душъ обоего пола.

Самоѣды, живущіе по Оби, приняли уже быть русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только болѣею грубостью манеръ, болѣею бѣдностью, лѣнью, тупоуміемъ и совершеннымъ отсутствіемъ всякаго стремленія къ умственному и хозяйственному улучшенію. Они живутъ въ избахъ, построенныхъ и расположенныхъ по образцу русскихъ, только они меньше, тѣснѣе и, сверхъ того, холодны, грязны, безъ всякой необходимой домашней утвари и во всѣхъ отношеніяхъ непрочны, за что русскіе называютъ ихъ юртами. Главнѣйшій промыселъ Самоѣдовъ — рыбо-

¹⁾ Кастр., 196.

ловство, которое продолжается круглый год; звѣроловствомъ занимаются только самые бѣдные, уходя для этой цѣли въ отдаленныя тайги. Скотоводство развито здѣсь очень мало. Что касается до Самоѣдовъ, живущихъ по Тыму, Парабелѣ и другимъ притокамъ Оби, то они совершенно сходны съ Остяками. Они начали, конечно, даже и въ отдаленныхъ мѣстахъ строиться и жить по образцу русскихъ, но юрты все еще продолжаютъ существовать какъ временныя жилища, которыми пользуются во время охоты и рыбной ловли. По Тыму и верхней Кети русскія избы не вошли еще совсѣмъ въ употребленіе; тутъ и до сихъ поръ постоянныя жилища — торфяныя юрты, а временныя — берестяныя, не говоря о шалашахъ охотниковъ. Здѣсь главный промыселъ — звѣроловство, а за нимъ — рыболовство. Какъ для того, такъ и для другаго они круглый годъ кочуютъ съ мѣста на мѣсто. Кастрентъ ¹⁾ описываетъ бытъ этихъ Самоѣдовъ слѣдующимъ образомъ: „на дворѣ осень, и Самоѣды сидятъ въ своихъ маленькихъ дереушкахъ, занятые каждый приготовленіями къ предстоящей охотѣ. Мужчины куютъ и столбрничаютъ, женщины шьютъ и пекутъ. Только что установится зима, вся деревня начинаетъ снаряжаться къ отъѣзду. Каждая семья приготовляетъ для себя нѣсколько такъ-называемыхъ нартъ, то есть маленькихъ саней, въ которыя запрягаютъ собакъ. Эти нарты нагружаются мукой, хлѣбомъ, сухарями, крушой, рыбой и другими съѣстными припасами, одеждой, топорами, ножами, охотничьими снарядами, берестяной переносной юртой и т. п. Въ нихъ-же укладываютъ и маленькихъ дѣтей. Засимъ въ каждую нарту запрягаютъ по двѣ, по три или по четыре собаки, смотря по достаткамъ хозяина. Лошади, бесполезныя въ эту пору, оставляются въ деревнѣ, безъ всякаго о нихъ попеченія, кромѣ того, что ихъ снабжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасомъ сѣна, которое сваливается въ отворенный сарай, служащій вмѣстѣ и конюшней. Справивъ все это, семьи отправляются въ лѣса и пустыни, каждая по своему направленію. Отецъ семейства становится во главѣ поѣзда, пролагаетъ дорогу своими лыжами и высматриваетъ дичь. За нимъ по пятамъ слѣдуютъ прочіе члены семьи, которые также бѣгутъ на лыжахъ, правятъ собаками и помогаютъ имъ тащить нарты. Такъ тянутся они съ утра до вечера. Начнетъ смеркаться, маленькій караванъ этотъ останавливается; разбиваютъ берестяную юрту, ставятъ котель на огонь и, утомленные странствованіемъ по лѣсу, путники отдыхаютъ, сидя вокругъ согрѣвающаго огня. Съ разсвѣтомъ караванъ снова уже въ движеніи. Черезъ нѣсколько дней добираются наконецъ до своего мѣста охоты. Здѣсь они, большею частію, находятъ готовую бревенчатую или уже досчатую юрту прежнихъ годовъ; въ слу-

¹⁾ Кастр., 309.

чаѣ же отсутствія ея довольствуются и берестяной. И вот Самоѣдь начинает охотиться, бродя по окрестнымъ лѣсамъ. Каждый день, съ утра до вечера, онъ въ безпрестанномъ движеніи; иногда онъ и ночуетъ въ снѣжномъ сугробѣ. Онъ стрѣляетъ, разставляетъ и осматриваетъ свои капканы, поднимаетъ звѣря и т. д. Въ охотѣ принимаютъ участіе даже женщины и дѣти; они не отходятъ однако жъ отъ юрты и ловятъ преимущественно бѣлокъ. Во время отсутствія родителей, малыя дѣти остаются безъ всякаго призора, на произволѣ судьбы; слишкомъ же рѣзвыя привязываются въ юртѣ на веревку. Когда, подь вечеръ, члены семьи возвратятся изъ лѣсу и усядутся вокругъ кипящаго котла, каждый имѣеть разказать какое-нибудь съ нимъ приключеніе, а не случилось ничего—разсказываютъ и сказки. Такъ проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, въ трудахъ, нуждѣ и лишеніяхъ всякаго рода. Передъ Рождествомъ они возвращаются для празднованія его въ деревню. Рождественскія занятія ихъ скорѣй можно назвать времяпрепровожденіемъ, нежели работой. Они ловятъ рыбу, дѣлаютъ поѣздки на лошадяхъ, продаютъ добытое близъ какого-нибудь кабака и занимаются новыми жизненными потребностями. Въ концѣ января или началѣ февраля они отправляются снова въ лѣса и остаются тамъ до поры, когда дороги начнутъ уже портиться. Возвратившись домой, въ продолженіе короткой весны, Самоѣдь готовится къ предстоящей рыбной ловлѣ. Со вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, деревня снова пустѣеть: жители ея плаваютъ въ своихъ маленькихъ челнокахъ отъ берега къ берегу, отъ одного рыбнаго уголья къ другому. На каждомъ они разбиваютъ берестяную юрту, всѣгдашнюю спутницу Самоѣда. Также какъ и Остяки, томскіе Самоѣды ловятъ рыбу сѣтями, вершами, неводами, крючьями, заколами и т. д. Рыбная ловля продолжается безостановочно до начала сентября, времени сѣнокоса, охоты за тетеревами и сбора брусники и кедровыхъ орѣховъ. По окончаніи этихъ занятій рыбная ловля продолжается еще до самыхъ морозовъ. Тутъ каждая семья возвращается уже домой съ сбереженными для собственнаго употребленія запасами сушеной рыбы“.

Народная одежда томскихъ Самоѣдовъ такова-же, какъ у обскихъ Остяковъ. Верхнее платье состоитъ изъ короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распахивающейся спереди; у мужчинъ она ровная, а у женщинъ съ нѣсколькими складками назадъ. Обувь также изъ оленьей шкуры, съ длинными голенищами, частью изъ толстаго сукна, частью изъ мягкой оленьей кожи, которыя замѣняютъ штаны. Рубахи не принадлежатъ къ народной одеждѣ. Головной покровъ у мужчинъ высокій и остроконечный, у женщинъ—плоскій и закругленный; первый изъ мягкаго оленьяго мѣха, второй изъ бѣличьяго или горностаеваго. За исключеніемъ холоднаго времени женщины ходятъ всегда съ открытымъ лицомъ

и головою. Вообще онъ не очень стыдливы. Волосы Самоѣдки заплетаютъ въ двѣ косы, которыя висятъ назадъ и никогда не расплетаются. Въ ушахъ носятъ небольшія серьги изъ корольковъ ¹⁾).

Самоѣды почти все роста малаго, но крѣпкаго сложенія, широкоплечи и короткошеи; голова у нихъ большая, лобъ узкій, лицо круглое и плоское, цвѣтъ изъ-желта смуглый, скулы выдавшіяся какъ у Монголовъ, глаза узкіе, волосы черные и жесткіе, ротъ и уши большіе, губы толстыя, руки и ноги короткія *). Маленькое круглое личико, большія губы, толстыя и красныя щеки, бѣлый лобъ, черные маленькіе глазки, черные волосы—суть главныя условія Самоѣдской красоты въ женщинѣ. Такъ, въ одной самоѣдской пѣснѣ, слышанной Кастреномъ въ Архангельской губерніи, красавица восхваляется за ея маленькія глазки, за широкое лицо, за красноту щекъ, которая сравнивается съ краснотой утренней зари передъ близкой непогодой, за прямой носъ и за то, что на ходу она выворачиваетъ ноги наружу ³⁾).

Что касается до религіи, то самоѣды Томской губерніи давно уже крещены, но во многихъ мѣстахъ все еще придерживаются язычества и въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ — Самоѣдовъ Тобольской губерніи, какъ эти послѣдніе весьма сходны съ Самоѣдами Архангельской губерніи. Древніе обычаи, нравы и учрежденія здѣсь большею частію уже забыты, хотя остатки ихъ и можно встрѣтить еще въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ меньше вліянія со стороны русской цивилизаціи.

Самоѣды вообще кротки, но крайне осторожны, скрытны, недоувѣрчивы, упрямы и настойчивы; рѣшаются не скоро, но, разъ рѣшившись, страшно упорны въ исполненіи предпріяятаго. Общая черта имъ всемо—это мрачный взглядъ на жизнь и жизненныя отношенія. Какъ виѣшній, такъ точно и внутренній міръ Самоѣдовъ темень, какъ ночь: бушуй въ нихъ страсти, они вполне соответствовали бы своему наружному виду—были бы однимъ изъ самыхъ дикихъ народовъ міра. Но благое Провидѣніе устроило такъ, что на большую часть жизненныхъ отношеній они смотрятъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Женщина у Самоѣдовъ еще несчастнѣе и находится еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ у Остяковъ. Имени при рожденіи она не получаетъ и цѣлый вѣкъ зовется просто—*не*—баба. При безпрестанныхъ перекочевкахъ этого племени, она, кромѣ обыкновенной домашней работы, должна собирать и разбирать юрту, навьючивать и развьючивать

¹⁾ Кастр. 307, 308; Пал. 91.

²⁾ Зап. Геогр. Общ. кн. XII, 353; Пал. 91.

³⁾ Кастр. 143.

нарты, вообще рабски исполнять всѣ желанія мужа, которыя онъ выражаетъ большею частію не словомъ, а взглядомъ или знакомъ. Въ награду за это она рѣдко-рѣдко когда дожидается отъ него какой-нибудь ласки. Мало этого, женщина считается у Самоѣдовъ нечистою тварью. Когда она устроила юрту, то не смѣетъ войти въ нее прежде, чѣмъ окурится чѣмъ-нибудь, а равно окурить нарты, на которыхъ ѣхала, и всѣ вещи, которыя должны быть внесены въ юрту. Если ей нужно что-нибудь развязать напередѣ нарты, то она должна для этого подлѣзть подъ ремни, за которые тянется нарта. Равнымъ образомъ, когда, во время пути, ѣдутъ одна за другою нѣсколько нарты, женщина не можетъ перейти черезъ дорогу и должна обойти поѣздъ. Въ юртѣ, позади огня и противъ дверей, ставится шестъ, мимо котораго женщина прямо не можетъ пройти, а должна обходить его кругомъ, мимо огня или дверей; это потому, что если женщина обойдетъ всю юрту, то волкъ непременно съѣстъ въ ту ночь собаку или оленя. Убивъ на охотѣ оленя, Самоѣды закапываютъ глаза его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не ходятъ женщины; въ противномъ случаѣ промыселъ будетъ несчастливъ. Вмѣстѣ съ мужчиною женщина никогда не ѣстъ, а довольствуется тѣмъ, что отъ него осталось. Головы оленя она не можетъ ѣсть ни въ какомъ случаѣ. Когда у женщины періодическая менструація, то она безпрестанно окуривается чѣмъ-нибудь пахучимъ и не смѣетъ ни готовить пищи, ни приблизиться къ мужчине. Шаманить у Томскихъ Самоѣдовъ она также не можетъ. „Недавно, рассказываетъ Кастрень, былъ схваченъ и приведенъ кочующій Самоѣдъ, убившій свою жену и, какъ сказано въ дѣлѣ, съѣвшій ее. Когда на допросѣ судья спросилъ его, что побудило его къ такому преступленію, Самоѣдъ отвѣтилъ ему преспокойно: „я купилъ свою жену и заплатилъ за нее честно, а съ своей собственностью я могу дѣлать все, что мнѣ вздумается ¹⁾).

При такомъ жалкомъ положеніи женщины у Самоѣдовъ особенно замѣчательно то, что у нихъ сохранились нѣкоторыя богатырскія пѣсни, въ которыхъ разсказывается, что богатыри идутъ на битвы обыкновенно за руку и сердце какой-нибудь дѣвушки. Если спросить самоѣдекаго пѣвца—какимъ-же образомъ, женщина, столь глубоко презираемая ими, становится у него цѣлюю благороднаго предпріятія, онъ отвѣтитъ такъ: „со временъ еще отцовъ нашихъ у насъ ведется обычай не брать никогда женъ изъ своего собственнаго племени, а изъ другаго, чужаго, неродственнаго. Прежде же различныя племена жили во враждѣ между собою, а потому часто бывало очень трудно достать себѣ жену путемъ

¹⁾ Пал. 93, 94, 95; Кастр. 297, 335. Самоѣдъ съѣлъ свою жену, будучи вынужденъ къ тому голодомъ.

мирнымъ. Покрайней мѣрѣ это было невозможно безъ платы за невѣсту, а плата была необыкновенно высока, потому что, отъ обычнаго прежде многоженства, незамужнихъ женщинъ было весьма мало. Вотъ, чтобы избѣжать этой траты, наши богатыри и брали себѣ женъ силою¹⁾.

Когда Самоѣдъ собирается жениться, онъ выбираетъ себѣ свата и съ нимъ вмѣстѣ отправляется къ родителямъ той дѣвушки, которую имѣетъ на примѣтѣ. Подѣхавъ къ юртѣ, сватающійся остается въ саняхъ, а свать входитъ въ юрту и дѣлаетъ предложеніе отцу или онекуну дѣвушки. Получается отказъ, они тотчасъ же поворачиваютъ домой; если же отецъ соглашается, то свать спрашиваетъ, когда можно праздновать свадьбу. Но это не рѣшаетъ еще свадьбы: у Самоѣдовъ существуетъ обычай, по которому женихъ обязанъ вознаградить отца невѣсты. Сколько намѣренъ дать женихъ, во что онъ цѣнитъ свою невѣсту — свату это напередъ извѣстно. Если отецъ потребуетъ больше этого, свать идетъ къ жениху и съ нимъ совѣтуется, можно ли что прибавить. Долго толкуютъ, торгуются и наконецъ такъ или иначе рѣшаютъ дѣло. Не сошлись въ цѣнѣ — женихъ не входитъ въ юрту; удалось свату уладить дѣло — онъ вводитъ жениха.

Послѣ помолвки, женихъ уже не посѣщаетъ невѣсты, но все сношенія производятся чрезъ свата. Незадолго до свадьбы, родные невѣсты ѣдутъ въ гости къ жениху. Когда они напируются и напьются здѣсь вдоволь, свать связываетъ четырехъ оленей (или лошадей), двухъ самцовъ и двухъ самокъ въ рядъ, гуськомъ, покрываетъ двухъ переднихъ краснымъ сукномъ, привязываетъ колокольчикъ на шею передоваго оленя (или лошади), обводитъ ихъ три раза вокругъ юрты и потомъ впрягаетъ въ сани жениха. Отправляются къ невѣстѣ. Впереди ѣдетъ женихъ; его санями управляетъ свать. Прибывъ на мѣсто бракосочетанія, свать три раза объѣзжаетъ свадебную юрту, останавливается позади ея и оставляетъ здѣсь жениха въ саняхъ. По прибытіи жениха, начинается угощеніе, при которомъ женихъ однакоже не присутствуетъ: онъ остается въ саняхъ позади юрты, и свать носитъ туда кушанье и вино. Послѣ обѣда свать вводитъ наконецъ жениха въ юрту. Здѣсь, по одну сторону очага, сидятъ родные невѣсты, по другую — родня жениха. Женихъ идетъ на невѣстину сторону и садится по ея правую руку, а свать у ногъ жениха и невѣсты. Когда каждый займетъ должное мѣсто, хозяйнѣ начинаетъ всѣхъ угощать виномъ. Первый стаканъ онъ предлагаетъ чрезъ свата жениху; женихъ выпиваетъ половину и передаетъ другую половину невѣстѣ. Когда всѣмъ поднесутъ по одному или по нѣскольку стакановъ, начинаютъ ѣсть вареное мясо. Послѣ этого порядокъ уже

1) Кастр. 298.

не наблюдается; каждый пьет сколько угодно, и свадьба оканчивается попойкой. Женихъ остается въ свадебной юртѣ до слѣдующаго утра. Поутру ѣдутъ къ жениху. Невѣста лежитъ покрытая въ своихъ саняхъ, которыми управляетъ мать жениха. Приѣхавъ къ своей юртѣ, она обвѣзитъ вокругъ нея невесту три раза, потомъ снимаетъ съ нея покровы и вводитъ въ юрту. Тутъ снова начинается угощеніе, по окончаніи котораго гости уѣзжаютъ. У Самоѣдовъ Тобольской губерніи Кастрень слышала при-этомъ слѣдующую свадебную пѣсню, пропѣтую отцомъ молодой своему свату, отцу молодого:

„Послушай меня, братъ. Дочь мою отдалъ я твоему сыну, съ тѣмъ, чтобы не брать назадъ. Смотрите! ужъ жарится въ дыму голова оленя и потому теперь не допускаются уже никакія перемѣны. Мы на всю жизнь вступили въ родство. Прошу, не обходитесь съ моею дочерью строго. Я училъ ее жить съ мужемъ хорошо и слушаться его. Моя жена также убѣждала ее жить въ согласіи. За симъ мы ѣдемъ домой, а ты, дочь моя, не смотри вслѣдъ за нами и не плачь. Я отдалъ тебя этому мужу, чтобы ты жила и умерла въ его жильѣ. И вотъ мы отецъ и мать, цѣлуемъ нашу дочь и говоримъ ей: прощай!“¹⁾

Нѣкоторые путешественники рассказываютъ, что у Самоѣдовъ, при родахъ, мужъ, въ присутствіи повивальной бабки, дѣлаетъ женѣ подробный допросъ: съ кѣмъ изъ мужчинъ она имѣла знакомство помимо мужа? Будучи съ малолѣтства увѣрена, что, при утайкѣ, роды будутъ весьма трудны, жена рассказываетъ всю правду. Палласъ говоритъ, что „однако отъ этого онѣ (жены) не должны опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо мужъ принудитъ только того, на кого указала жена, къ небольшому вознагражденію. Если же это былъ какой-нибудь ближайшій сродникъ, то родильница умалчиваетъ одно только имя, и мужъ потому знаетъ уже, съ кѣмъ надобно вѣдаться“²⁾. Существуетъ ли подобный обычай у Томскихъ Самоѣдовъ, намъ неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, мужъ не всегда остается равнодушнымъ къ измѣнѣ своей жены до такой степени, чтобы ограничиться за это въ отношеніи соблазнителя ея однимъ небольшимъ штрафомъ. Иногда дѣло бываетъ не такъ. Въ этомъ удостовѣряетъ небольшая пѣсенка, приводимая Кастренемъ³⁾:

„Они убили моего друга. Связали его, положили на сани и увезли. Перевезли его чрезъ рѣку, и повѣсили между двухъ сосенъ. „Ты жилъ, сказалъ убійца, въ связи съ моею женою, а потому и долженъ умереть“.

Послѣ родовъ, мужъ не приближается къ женѣ мѣсяца два, потому

¹⁾ Кастр. 140, 205.

²⁾ Палл. 32, Вѣл. 121.

³⁾ Кастр. 305.

что во все это время она считается нечистою. Въ это же время она не должна ѣсть ничего свѣжаго, а только одно прежде изготовленное ¹⁾).

Неплодіе жены бываетъ, обыкновенно, причиною большихъ несогласій въ семействѣ Самоѣда. „Я бесплодна, говоритъ жена въ одной самоѣдской пѣснѣ, и оттого мужъ мой не любить меня. У всѣхъ моихъ невѣстокъ есть дѣти, и мужа любятъ ихъ. Въ ихъ сани мужа запрягаютъ самыхъ лучшихъ оленей, а мой мужъ отыскиваетъ для меня самыхъ худшихъ. Всякій разъ, когда мы вмѣстѣ ѣдемъ, мнѣ приходится почти тащить моего оленя за возжу, а самой идти пѣшкомъ. Другіе братья помогаютъ своимъ женамъ на крутыхъ мѣстахъ, чтобы не опрокинулись, мнѣ же никто не помогаетъ. Съ горь погнала я однажды моихъ оленей въ горы, безъ удержки, переѣхала чрезъ деверьевъ и разломала ихъ сани. Чтобы избавиться напередки отъ такого наказанія, мужъ сталъ уважать меня и больше обо мнѣ заботиться“ ²⁾).

По смерти мужа, жена, сверхъ обыкновенныхъ двухъ косъ, всю жизнь должна носить еще третью, которая на вискѣ не заплетается.

Кастренъ записалъ у сѣверныхъ Самоѣдовъ слѣдующую простую, но трогательную пѣсню, въ которой жена оплакиваетъ смерть мужа ³⁾).

„Когда меня выдавали замужъ, я горько плакала о разлукѣ съ матерью; пожила я нѣсколько съ возлюбленнымъ мужемъ—прошло грустное тоскованіе по матери. Прежде я думала, что нѣтъ прощанья мучительнѣе прощанья съ матерью; теперь я думаю иначе. Умеръ мужъ мой, и я грущу по немъ больше, чѣмъ грустила прежде по матери. Мужъ оставилъ четырехъ сыновей; когда то забуду я ихъ горе и мое собственное? Жизнь моя теперь такова, что одну половину моей тоски стараюсь облегчить слезами, а другую пѣснями. Никогда не выйдетъ мой мужъ изъ могилы, никогда ужъ не увидать мнѣ его“.

Къ *Тюрско-монгольскому* племени въ Томской губерніи принадлежатъ: *инородцы Чулымскіе, Томскіе и Каинскіе татары и Алтайцы*. Послѣдніе дѣлятся на двѣ группы: сѣверную, которую составляютъ, такъ называемые, *Черные татары и Телсуты*, и южную, къ которой относятся: *Алтайскіе калмыки и калмыки Двоюданцы*.

Чулымскіе инородцы живутъ по р. Чулыму, начиная почти отъ самого его устья до верховья. Въ официальныхъ актахъ они обыкновенно именуется Татарами. Дѣйствительно, если судить по фізіономіи,

¹⁾ Пал. 96.

²⁾ Кастр. 305.

³⁾ Idem.

то этих инородцевъ должно считать татарами, потому что она у нихъ чисто татарская или, лучше сказать, татаро-монгольская. Они, большею частію, средняго роста, довольно широкоплечи, сутуловаты; лицомъ смуглы, скуловаты, носятъ длинные волосы, подстриженные въ кружокъ; волосы на бородѣ и усахъ довольно рѣдки; у всѣхъ у нихъ прекрасные большіе каріе глаза, густыя дугообразныя брови и бѣлыя, какъ снѣгъ, зубы. Вообще, мужчины довольно красивы; но о женщинахъ этого сказать нельзя: особенное развитіе скуль отнимаетъ всю красоту у ихъ физиономій. Съ другой стороны, если принять въ соображеніе языкъ, которымъ говорятъ эти инородцы, то опять-таки выйдетъ, что они татары, ибо тѣ, которые не обрусѣли совершенно, говорятъ нарѣчіемъ тюркскимъ. Въ немъ встрѣчается также не мало словъ, которыя ничѣмъ не могутъ быть объяснимы, какъ финскими корнями. Это, кажется, даетъ право предполагать, что Чулымскіе инородцы не всѣ тюркскаго происхожденія, но частію финскаго или самоѣдскаго, хотя отъ времени дотога отатарились, что потеряли уже всѣ черты своей народности. Въ такомъ видѣ застало ихъ русское населеніе края и довольно основательно назвало ихъ татарами. Теперь эти татары испытываютъ на себѣ вліяніе русскаго элемента и съ каждымъ годомъ русѣютъ. Больше всѣхъ другихъ родовъ сохранилъ въ себѣ татарщины Кизильскій родъ, живущій по верхнему теченію Чулыма, въ предѣлахъ нынѣшней Енисейской губерніи. Поэтому, чтобы обозначить этнографическія особенности, свойственныя прежде всѣмъ Чулымскимъ татарамъ, мы должны обратиться къ Кизильскому ихъ роду.

Число всѣхъ Чулымскихъ инородцевъ, со включеніемъ проживающихъ и въ русскихъ деревняхъ, простирается въ Томской губерніи до 4.300 д. об. п.

Чулымскіе инородцы живутъ въ зимнихъ и лѣтнихъ юртахъ. Первая можно даже назвать домами. Это многоугольный срубъ аршинъ до $3\frac{1}{2}$ высоты, оканчивающійся конусообразною верхушкою изъ досокъ или изъ бересты, съ отверстіемъ по срединѣ для выхода дыма. Для входа въ этотъ срубъ устраивается небольшая деревянная дверь. Лѣтнія юрты дѣлаются наподобіе простыхъ шалашей, конечно, только большаго объема, нежели они, изъ нѣсколькихъ деревянныхъ сошекъ, обтягиваемыхъ берестою или войлокомъ и укрѣпляемыхъ веревками, ремнями или волосяными арканами. Здѣсь также дѣлается отверстіе наверху для выхода дыма, а деревянная дверь зимней юрты замѣняется войлокомъ или рогожею. Пространство зимнихъ и лѣтнихъ юртъ зависитъ отъ большей или меньшей численности обитающихъ въ нихъ семействъ. Внутренность ихъ почти всегда одинакова: посреди горитъ огонь, на которомъ варится что либо съѣстное; противъ огня, прямо противъ двери, лавка, со-

ставляющая постель главнаго лица въ семействѣ; около нея по обѣ стороны сундуки съ пожитками; на стѣнахъ полки съ образами (Чулымскіе инородцы давно уже крещены) и разною домашнею утварью. Вотъ и все. Зимю, когда бушуетъ вѣтеръ, или въ жестокіе морозы, въ зимнихъ юртахъ холодно, дымно и сыро.

Одежда Чулымскихъ инородцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, весьма проста. Мужчины лѣтомъ носятъ кафтаны синяго или сѣраго сукна, съ стоячими воротниками, опушаемыми мѣхомъ росомахи или выдры, и халаты изъ бумажныхъ матерій, а кто побѣднѣе—простые русскіе азамы или халаты изъ китайки; зимою всѣ безъ исключенія—овчинные тулупы или дахи козы и оленя. Шапки ихъ, обыкновенной формы, опушаются также какимъ нибудь мѣхомъ. Обувь состоитъ изъ сапоговъ русскаго издѣлія или изъ унтовъ, весьма хорошо извѣстныхъ во всей Сибири. Женщины лѣтомъ являются чаще всего въ однихъ полотняныхъ или дабовыхъ рубахахъ, даже неподпоясанныхъ, съ алымъ колпакомъ на головѣ и босыми ногами. Желая нарядиться, онѣ надѣваютъ ситцевыя или даже шелковыя платья обыкновеннаго крестьянскаго покроя, а на голову шапки изъ краснаго бархата, опушенныя чернобурой лисцей, съ длинными красными шелковыми кистями на маковкѣ. Красные сафьянные башмаки составляютъ обувь. Зимняя одежда женщинъ заключается въ мѣховыхъ шубахъ, бѣличьихъ или лисьихъ, крытыхъ шелковыми матеріями.

Выше мы сказали, что, для обозначенія этнографическихъ особенностей, свойственныхъ прежде всѣмъ Чулымскимъ инородцамъ, но нынѣ ими большею частію утраченныхъ, необходимо обратиться къ Кизильскому ихъ роду, который болѣе другихъ сохранилъ свою народность.

У Кизильцевъ существуетъ обыкновеніе условливаться о бракѣ дѣтей еще тогда, когда они едва вышли изъ пеленокъ. Условія такого рода соверщаются слѣдующимъ образомъ:

Отецъ, желающій со временемъ женить малолѣтняго еще своего сына на дочери, также еще малолѣтней, одного изъ своихъ знакомыхъ или пріятелей, беретъ жену и ближайшихъ родственниковъ и отправляется въ улусъ невѣсты. Онъ везетъ съ собою ведра два или три молочнаго или обыкновеннаго хлѣбнаго вина, табакъ и трубки.

Прибывъ въ улусъ отца невѣсты, пріѣзжіе входятъ въ его юрту и садятся. Поговоривъ нѣсколько времени о томъ и о семъ, отецъ жениха вынимаетъ привезенную съ собою чашку и наливаетъ ее виномъ, между тѣмъ, какъ одинъ изъ пріѣзжихъ съ нимъ родственниковъ беретъ желѣзными щипцами горящій уголь или даже цѣлую головню изъ костра, разведеннаго посреднѣ юрты, а другой набиваетъ трубку табакомъ. Всѣ встаютъ съ мѣстъ своихъ, и отецъ жениха, подчуя виномъ отца невѣсты, говоритъ ему слѣдующую официальную фразу: „если вода притечетъ на

твое мѣсто, я, сдѣлавшись крѣпкою плотиною, лягу; если вѣтеръ подуеъ на твое мѣсто, я стѣною стану; если ты скажешь — цыцъ, я, сдѣлавшись собакою, прибѣгу; если ты не ударишь меня по головѣ, то я, войдя въ твой домъ, сдѣлаюсь твоимъ родственникомъ. „Послѣ этого, отецъ жениха прямо объясняетъ, что пріѣхалъ сватать дочь его за своего сына. Если отецъ невѣсты не согласенъ на предполагаемый союзъ, то не беретъ подносимаго ему вина, и въ такомъ случаѣ пріѣзжіе, распростившись, садятся на коней и уѣзжаютъ; если же, напротивъ, согласенъ, то сперва выпиваетъ вино, а потомъ беретъ трубку, приготовленную однимъ изъ родственниковъ отца жениха, и закуриваетъ тѣмъ углемъ, который, какъ выше упомянуто, держитъ другой родственникъ. Потомъ всѣ садятся и начинаютъ угощать другъ друга привезеннымъ виномъ, а между тѣмъ условливаются о томъ, когда быть свадьбѣ и какой калымъ даетъ женихъ за невѣсту. Калымъ, обыкновенно, состоитъ изъ крупнаго скота отъ 10 до 30 штукъ, смотря по состоянію жениха. Сватовство оканчивается тѣмъ, что отецъ жениха даритъ отцу, матери и ближнимъ родственникамъ невѣсты нѣсколько бумажныхъ платковъ.

Какъ только женихъ ребенокъ подростъ, то начинаетъ безпрестанно ѣздить въ улусъ невѣсты, живетъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ и помогаетъ отцу своей суженой во всѣхъ домашнихъ работахъ. Впродолженіе самаго короткаго времени онъ дѣлается совершенно домашнимъ человекомъ. Кромѣ такихъ посѣщеній за-просто, женихъ обязанъ вмѣстѣ съ отцомъ, матерью и ближайшими своими родственниками дѣлать три раза въ годъ официальные визиты своей невѣстѣ и каждый разъ привозитъ съ собою подарки.

Свадьбы празднуются всегда лѣтомъ и не прежде, какъ по достиженіи женихомъ и невѣстою семнадцатилѣтняго возраста. Когда настанетъ на значенный день свадьбы, женихъ еще разъ пріѣзжаетъ съ своими родственниками въ улусъ невѣсты и еще разъ задаетъ пирь. Наконецъ, когда уже всѣ поѣзжане готовы, женихъ беретъ за руку невѣсту и падаетъ въ ноги отца ея. Этотъ послѣдній поднимаетъ ихъ и говоритъ, обращаясь къ дочери: „хорошо, дочь, поѣзжай.“ Затѣмъ всѣ поѣзжане садятся верхами и отправляются въ церковь.

Не смотря на то, что молодые уже обвѣнчаны, считается необходимымъ, послѣ благословенія церкви, праздновать бракъ по стариннымъ обрядамъ, которые, впрочемъ, годъ отъ году выходятъ изъ употребленія. Эти обряды состоятъ въ слѣдующемъ: считая неприличнымъ, чтобы молодые, по выходѣ изъ церкви, оставались наединѣ, родственники отвозятъ ихъ по юртамъ родителей, назначая, между тѣмъ, напередъ время, когда свадьба должна быть отпразднована по стариннымъ обычаямъ. Когда это время наступило, родные молодой и молодого приглашаютъ

къ себѣ всѣхъ сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ какъ близкихъ, такъ и дальнихъ. Всѣ сѣзжаются, кто съ виномъ, кто съ съѣстными принасами. Мать и отецъ молодого остаются дома, а онъ съ ближайшими родственниками сѣдлаетъ коней и отправляется за молодою женою. Кромѣ одного или двухъ быковъ, которые ведутся живьемъ на обѣдъ гостямъ, здѣсь же везутся и подарки имъ. По прибытіи въ улусъ молодой, приведенныхъ животныхъ убиваютъ, разводятъ посреди улуса большіе огни, вѣшаютъ надъ ними котлы, мясо варятъ, а кожу до времени прячутъ, разрѣзавъ каждую на нѣсколько ремней. Потомъ, около полудня, всѣ садятся въ кружки и начинаютъ пирушку, которая продолжается весь остатокъ дня и цѣлую ночь до разсвѣта. Въ это время молодые люди играютъ на джытаганѣ (родъ балалайки), поютъ пѣсни, пляшутъ, ѣздятъ въ перегонки на лошадяхъ. Около обѣда другого дня, снова убиваютъ быка и нѣсколькихъ овецъ, снова происходятъ пиръ и скачка. Послѣ этого, молодую одѣваютъ въ самый лучшій ея нарядъ шелковую рубашку, шелковую холодную шубу, обшитую мишурою и бахромою, и шапку изъ чернубурой лисцы съ шелковой верхушкой и шелковой кистью. Молодой, обыкновенно, надѣваетъ суконный кафтанъ, обшитый какимъ-нибудь мѣхомъ. Молодого и молодую вводятъ ближайшіе ихъ родственники въ юрту, сажаютъ ихъ на лавку, покрытую ковромъ, а противъ нихъ ставятъ два хора пѣсенниковъ, заранѣе приготовленныхъ. Держа въ рукахъ разноцвѣтные шелковые занавѣсы, они стоятъ передъ молодыми и поютъ—хоръ передъ молодымъ о томъ, что онъ пріѣхалъ взять молодую, хоръ предъ молодой, что онъ не отдастъ ее безъ подарковъ. Приводимъ для примѣра нѣсколько такихъ пѣсенъ:

Хоръ молодого.

„Когда предъ мѣсяцемъ держишь занавѣсь, золото блещетъ въ его ткани. Богъ создалъ дитя міру; теперь мы пріѣхали его взять“.

Хоръ молодой.

— Чтобы дѣвушку взять, надо ѣхать въ чужой улусъ на добрыхъ коняхъ. У нея есть родные; надо привезти имъ гостинца.

Хоръ молодого.

„Когда предъ солнцемъ держишь занавѣсь, серебро блещетъ въ его ткани. Дитя наречено зятю: мы пріѣхали увезти его“.

Хоръ молодой.

— Вы ѣхали и пріѣхали на добрыхъ коняхъ; много ли посуды

вина привезли съ собою? Выставьте его для угощенія предстоящихъ родственниковъ.

Хоръ молодого.

„Если бы Царь не сотворилъ тайги, откуда бы текъ многоводный Черный Юсь ¹⁾? Если бы не рѣшили выдать замужъ милое дитя, отчего составился бы этотъ ширь?“

Хоръ молодой.

— Самъ полную чару выпью вина, угощу—уподчиваю всю родню; а потомъ незамедлю отдать Богомъ дарованное дитя. Между тѣмъ, одно ей слово скажу.

Въ это время отецъ молодой, выпивши чару вина, подаетъ этимъ знакъ послѣдовать его примѣру всѣмъ присутствующимъ. Между тѣмъ, одинъ изъ пѣсенниковъ хора со стороны молодой говорить ей отъ его имени слѣдующее наставленіе: „поѣдешь ты къ человѣку, назначенному отцомъ, даннаго тебѣ коня не изнуряя, не останавливая, доѣзжай до мѣста, отцомъ-матерью назначеннаго мѣста, и живи счастливо, мирно.“

Послѣ этого, молодые обходятъ всѣ юрты ближайшихъ родственниковъ и прощаются съ ними. Впереди ихъ идутъ пѣсенники, держа въ рукахъ занавѣсы и желая много счастья молодымъ; сзади ихъ—прочіе поѣзжане. Въ каждой юртѣ повторяется та же самая церемонія, какъ и въ юртѣ отца молодой, и тѣ же самыя пѣсни, образцы которыхъ приведены выше. Возвратясь еще разъ въ юрту отца молодой, новобрачные прощаются съ родителями ея, получаютъ ихъ благословеніе и отправляются въ улусъ молодого. Они ѣдутъ верхами на самыхъ лучшихъ коняхъ, убранныхъ въ самую лучшую сбрую. Впереди молодыхъ, по прежнему, ѣдутъ пѣсенники съ занавѣсами, — а позади ихъ множество народа обоюго пола верхомъ, съ колокольчиками и бубенчиками на лошадяхъ. Спустя нѣсколько времени, отправляются за ними отецъ и мать молодой съ ближайшими родственниками. Передъ самымъ улусомъ молодого, процессію встрѣчаютъ молодые парни и дѣвушки, которымъ молодая бросаетъ во множествѣ колечки, корольки, серьги и т. п. Въ самомъ улусѣ для молодыхъ уже построена новая юрта, въ которой еще никто не жилъ. Приблизясь къ ней, они съ пѣснями объѣзжаютъ ее три раза, а потомъ останавливаются передъ входомъ. Нѣсколько человѣкъ берутъ поводья ихъ лошадей, а отецъ и мать молодого встрѣчаютъ новобрачныхъ полною чаркою вина. Впрочемъ, молодымъ запрещается въ это время пить; пьютъ только одни поѣзжане. Слѣдующій за тѣмъ ширь и увеселенія тѣ же самыя, какіе

¹⁾ Одинъ изъ притоковъ Чулыма.

происходятъ въ улусѣ молодой. Эти пиры и увеселенія продолжаются иногда до двухъ или трехъ сутокъ и во все это время молодымъ не дозволяется ни на минуту быть наединѣ. Послѣ отъѣзда гостей, они отправляются въ приготовленную для нихъ юрту.

Въ прежнее время у Кизильцевъ, по рассказамъ ихъ стариковъ, послѣ свадьбы исполнялся еще слѣдующій обрядъ. На другой день послѣ того, какъ молодые остались одни, въ ихъ юрту на зарѣ приходила одна изъ родственницъ молодаго и выводила молодую на поклоненіе солнцу (кунга баджиръ). Обрядъ этотъ заключался въ томъ, что на нее накидывали покрывало, подъ которымъ она, склонясь какъ можно ниже, должна была ходить за своею путеводительницею по всѣмъ роднымъ и, проходя изъ юрты въ юрту, кланяться солнцу. Теперь обрядъ этотъ вышелъ изъ употребленія; но онъ разительно напоминаетъ то уваженіе, которое въ Персіи питаютъ женщины къ солнцу. „Въ Персіи, говоритъ г. Березинъ ¹⁾, и донынѣ женщины приписываютъ таинственную силу солнечному свѣту и думаютъ, что, съ помощью извѣстныхъ заклинаній и обрядовъ, солнечный лучъ можетъ развить плодородіе въ неимѣющей дѣтей замужней женщинѣ.“

Снабженіе приданымъ между Кизильцами не включаетъ въ себѣ ни правъ, ни обязанностей. Родители могутъ дать и не дать приданого; ни дочь, ни женихъ ея не вправе его требовать: оно зависитъ совершенно отъ воли родителей и заключается единственно въ одеждѣ и домашнихъ вещахъ, служащихъ для хозяйства. Приданое, будучи однажды дано, составляетъ неотъемлемую собственность дочери.

Мужъ признается главою своей жены. Онъ имѣетъ право, по степнымъ обычаямъ, распорядиться ею, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ и заботиться объ ней. Жена имѣетъ право требовать отъ мужа содержанія во все время сожителства съ нимъ и небуынныхъ относительно ея поступковъ, причиняющихъ ей увѣче. Ея обязанность состоитъ въ совершенномъ повиновеніи мужу. Право располагать имуществомъ принадлежитъ обоимъ супругамъ, смотря по тому, кѣмъ это имущество пріобрѣтено.

Послѣ смерти родовича женатаго, имѣющаго жену и дѣтей, жена получаетъ пятую часть изъ всего оставшагося имущества; дочерямъ выдѣляется по десятой части; наконецъ, остальное имущество братья дѣлятъ по ровну.

Если вдова выходитъ замужъ, то приданое ея, а также платье и всѣ вещи, относящіяся до ея убора, пріобрѣтенныя при покойномъ мужѣ, остаются при ней; прочія же вещи, до домашняго хозяйства относящіяся,

¹⁾ Шейбаниада, пр. 27.

а равно и самая пятая ея часть, остаются въ пользу дѣтей покойнаго мужа.

Если вдова, кромѣ приданаго, т. е. одежды и домашнихъ вещей, имѣла по наслѣдству другое какое-либо имущество, какъ-то скотъ, деньги и т. п., то оно дѣлится по законной части между всѣми ея дѣтьми, хотя бы они были отъ трехъ мужей.

Вдовецъ получаетъ отъ покойной жены своей также пятую часть изъ всего имущества. Сводные дѣти имѣютъ каждый свое наслѣдство: принадлежащія отцу—отъ отца, принадлежащія матери отъ матери.

Приводимъ одну Кизильскую пѣсню, сложенную, какъ говорятъ, женою богатыря Чайзага-Абакасей:

„Всѣ мы ходили, все было у насъ въ золотѣ; но тебѣ этого показалось мало. Я отговаривала тебя ходить на ненужную войну; но ты словъ моихъ не послушалъ и легъ здѣсь. Я, Абакасея, пришла сюда; встань, посмотри на меня, Чайзагъ. Теперь ты на меня не смотришь, лежишь себѣ на темѣ горь Таскыльскихъ, тихо лежишь на избранномъ мѣстѣ, построивъ себѣ домъ изъ бѣлыхъ камней таскыльскихъ. Я обошла кругомъ; ты все не встаешь. Я хочу возвратиться домой и приду сюда, взявши вѣрныхъ воиновъ.“ Въ настоящее время эта пѣсня обратилась въ простое причитанье по мертвомъ.

Томскіе татары живутъ въ Томскомъ округѣ, преимущественно по рѣкѣ Томи. Они принадлежатъ къ тѣмъ аборигенамъ края, которыхъ русскіе застали здѣсь въ XVII столѣтіи. Палласъ ¹⁾ встрѣтилъ ихъ въ первый разъ въ 1770 г. въ деревнѣ Калтайской, недалеко отъ Томска, и говорить о нихъ слѣдующее: „Живущіе въ оной (деревнѣ) татары, кои въ Томскѣ и около онаго всего около шести или семи тысячъ семей считается, именуютъ себя Чатами, и они въ ихъ уборахъ и нравахъ, такъ какъ и въ законѣ, ничѣмъ отъ Каинскихъ не рознятся. Только бабы у нихъ, противно обыкновенію прочихъ Татаръ, носятъ чрезъ фату повязку, которая не такъ, чтобы на темѣ не сходилась, но она покрываетъ всю голову. Точно такія повязки носятъ и дѣвки ихъ просто на волосахъ, кои они въ три или болѣе, а на сватбѣ и въ тридцать косъ заплетаютъ. Могилы они роютъ обыкновенно — на краяхъ лѣса и кладутъ надъ оными изъ брусевъ толь твердыя строенія, подобныя бесѣдкамъ, что издали кладбища сіи похожи на деревню. Въ домахъ у нихъ, а особливо въ лѣтнихъ покояхъ, имѣются камны, подобныя Башкирскимъ. Между ними есть добрые земледѣлатели, и они теперь съ радостію платятъ обыкновенный подушный окладъ, будучи освобождены отъ

¹⁾ Палл. III, 423.

ямщиковъ, что они сперва въ Томскѣ отправлять были должны.“ Число ихъ теперь простирается до 4.300 д. об. пола.

Каинскіе татары (у Миллера—Барабинцы) суть ничто иное, какъ потомки Кучумовой орды, поселившейся по верхнему теченію рѣкъ Оми, Тары и ихъ притоковъ, а также въ окрестностяхъ Чановъ. Кромѣ Каинскаго округа, ихъ живетъ немного въ Барнаульскомъ по Кулундѣ. Число всѣхъ этихъ татаръ простирается до 5500 д. об. п.

Томскіе и Каинскіе татары вообще роста средняго, тѣлосложенія здороваго, лицомъ смуглы, съ монгольскимъ очертаніемъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ длинной по колѣна рубахи съ широкими рукавами и стоячимъ воротникомъ, а сверху халать или бешметъ; на ногахъ они носятъ чулки и кожаные башмаки, на головѣ небольшую шапку съ мѣховымъ околышемъ. Женщины одѣваются въ длинныя рубахи, сдѣланныя изъ разной матеріи, смотря по состоянію, широкіе панталоны, сверху рубахи бешметъ безъ рукавовъ; сверху бешмета надѣвается шелковый или бумажный халать. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ вышитой золотомъ (у бѣдныхъ съ оловянными украшениями) повязки, сверху которой надѣвается бархатная плоская шапочка, околышь которой лѣтомъ обшивается золотымъ галуномъ, зимою мѣхомъ, а края—золотою бахрамою. Въ будни этотъ уборъ замѣняется длинною (не менѣе 4 арш.) бумажною косынкою, которою окутываютъ голову, спуская концы на затылкѣ. На пестрые чулки надѣваютъ башмаки съ каблуками безъ задковъ (кабысь), вышитые на передкѣ золотомъ ¹⁾.

Чтобы войти въ домъ татарина, нужно подняться по крутой, не совсѣмъ удобной лѣстницѣ, замѣняющей крыльцо, иногда вовсе безъ перилъ; только у богатыхъ при домѣ—крыльцо, крытое тесомъ, даже съ особой пристройкой вдоль наружной стѣны дома, похожею на балконъ. Сѣни, слѣдующія за площадкою крыльца, тоже не составляютъ необходимой принадлежности дома; они служатъ часто вмѣсто кладовой, гдѣ хранятся разныя статьи домашняго хозяйства, а лѣтомъ служатъ спальнею прислуги. Комнатъ въ домѣ бываетъ рѣдко болѣе двухъ, да и то въ такомъ случаѣ одна изъ нихъ находится въ одной, а другая въ другой половинѣ дома, чрезъ сѣни; тамъ обыкновенно помѣщается кухня и дѣтская. Расположеніе и внутреннее убранство ихъ всегда одинаковы; входныя двери—посреди комнаты; у передней стѣны и у которой-нибудь изъ боковыхъ, тотчасъ у дверей устраиваются во всю длину комнаты такъ-называемыя нары или полки. Нары эти покрываются коврами, а за неимѣніемъ ихъ войлоками; часть ихъ, находящаяся у передней стѣны,

¹⁾ Списки насел. мѣстъ Росс. Имп. С.-П. 1868 г. LX, LXXXIV.

называется *турь* и назначается для гостей, замѣняя диванъ: по угламъ на нарахъ помѣщаются сундуки съ имѣніемъ хозяина, а на нихъ возвышаются иногда до самаго потолка перины, тюфяки, теплыя одѣяла и подушки. Надъ нарами висятъ горизонтально деревянные шесты, на которыхъ развѣшены подь самымъ потолкомъ праздничные костюмы татаръ, акуратно сложенные, но необходимо бросающіеся въ глаза каждому. Нары замѣняютъ необходимую мебель: на нихъ сидятъ, поджавши ноги, на нихъ спятъ, завѣшивая ночью часть наръ пологомъ, на нарахъ обѣдаютъ, пьютъ чай, ужинаютъ, устанавливая на нихъ столикъ въ квадратный аршинъ ширины и не болѣе полуаршина вышины. Противоположный нарамъ уголъ занимаетъ печь, въ парадной комнатѣ голландская, съ устроеннымъ на вѣшнемъ углу ея каминомъ на двѣ стороны и съ желѣзной поставкой по срединѣ, наружу, во всю длину камина; въ задней комнатѣ печь устраивается въ видѣ очага, съ вмазаннымъ въ срединѣ его большимъ котломъ, въ которомъ готовятъ кушанье и кипятятъ воду. Подлѣ очага устраивается каминъ, но гораздо болѣе горничнаго ¹⁾. У Каинскихъ татаръ печь для печенія хлѣбовъ ставится на дворѣ.

Томскіе татары—опрятны, трудолюбивы и занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; занятія Каинскихъ ограничиваются рыболовствомъ, охотою и ловлею пьявокъ; скоть разводятъ не многіе, а хлѣбопашество существуетъ въ весьма маломъ видѣ; кромѣ того они сплавляютъ лѣсъ по р. Оми. Каинскіе татары неопрятны, лѣнны, не предприимчивы и въ умственномъ развитіи стоятъ ниже Томскихъ татаръ, хотя также, какъ и послѣдніе, большею частію тихи и честны. Всѣ они живутъ осѣдло.

Томскіе и Каинскіе татары исповѣдуютъ магометанство; поэтому, положеніе женщины между ними опредѣляется строго постановленіями Корана. Нелишнимъ считаемъ привести здѣсь главнѣйшія изъ этихъ постановленій.

„О люди! говоритъ пророкъ: бойтесь вашего Господа, который сотворилъ всѣхъ васъ изъ одного существа; Онъ сотворилъ изъ него подругу; и потомъ изъ этихъ существъ повелѣлъ произойти мужчинамъ и женщинамъ.

„Мужчины выше женщинъ по причинѣ качествъ, которыми Богъ возвысилъ ихъ предъ тѣми, и потому, что мужчины свое имѣніе употребляютъ на награжденіе женщинъ. Добродѣтельные женщины послушны и покорны, онѣ заботливо сохраняютъ во время отсутствія мужей то, что Богъ повелѣлъ сохранять въ цѣлости (т. е. свои личности и имущество мужей). Вы побраните ихъ, когда бойтесь неповиновенія, отдадите въ

¹⁾ Иллюстр. Газ. 1872 г. № 17.

сторону отъ ложа, бейте ихъ; но когда онѣ вамъ повинуются, не старайтесь обижать ихъ.

„Не женитесь на женахъ, которыя были суиругами вашихъ отцовъ. Это срамъ, гнусность и мерзкое обыкновеніе.

„Вамъ запрещено жениться на вашихъ матеряхъ, дочеряхъ, сестрахъ, теткахъ съ отцовой или материнской стороны, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ, дѣвицахъ, вѣрренныхъ вашему попеченію и происшедшихъ отъ женъ, съ которыми вы жили. Тѣмъ болѣе на дочеряхъ вашихъ сыновей, которыхъ вы произвели, ни на двухъ сестрахъ.

„Не женитесь на женщинахъ, которыя вамъ нравятся, болѣе какъ на трехъ или четырехъ.

„Если вы желаете переимѣнить одну жену на другую и дали одной изъ нихъ сто динаріевъ, не отнимайте у нея ничего изъ нихъ.

„Разведенныя жены даютъ пройти до новаго замужества времени до трехъ мѣсяцевъ. Онѣ не должны скрывать ничего, что Богъ создалъ въ ихъ чревѣ, если вѣрують въ Бога и въ послѣдній день. Справедливѣе, чтобы мужья ихъ держали, когда онѣ въ этомъ положеніи, если хотять блага. Жены въ обхожденіи съ мужьями, а эти съ женами должны вести себя честно. Мужья имѣють степень выше своихъ женъ.

„Разводъ можетъ быть два раза (т. е. съ правомъ безъ всякихъ послѣдствій взять жену обратно). Берегите свою жену, обходитесь съ нею честно; отсылаете ее, отсылайте съ благородствомъ. Вамъ не позволено присвоивать то, что вы имъ дали.

„Если же разведется съ женой своей три раза, ему не позволено взять ее, покуда она выдетъ за другаго и когда этотъ въ свою очередь разведется съ нею.

„Если кто умираеть, оставляя женъ, онѣ должны ждать четыре мѣсяца и десять дней.

„Онѣ (супруги ваши) получать четвертую часть того, что вы оставите по исполненіи отказовъ и уплатѣ долговъ, если у васъ нѣтъ дѣтей; если же есть дѣти, то онѣ получаютъ осьмую долю по исполненіи отказовъ и уплатѣ долговъ.

„Богъ приказываетъ вамъ въ раздѣлѣ вашихъ имуществъ между дѣтьми вашими давать сыну вдвое болѣе дочерей; если только—дочери и ихъ будетъ болѣе двухъ, то онѣ получаютъ двѣ трети того, что оставилъ отецъ; если только одна, то она получить половину.

„Вели женщинамъ, которыя вѣрують, склонять взоры и наблюдать умѣренность, не давать видѣть своихъ украшеній, кромѣ тѣхъ, что снаружи, закрывать груди покрываломъ и не давать смотрѣть на свои украшения кромѣ своихъ мужей или отцовъ, или отцовъ своихъ мужей, сво-

ихъ сыновей или сыновей своихъ мужей, своихъ братьевъ и сестеръ, пли женъ ихъ, или своихъ невольниковъ и слугъ мужчинъ, не имѣющихъ нужды въ женщинахъ, или дѣтей, которыя еще не различаютъ половыхъ частей женщины. Чтобы женщины не ступали ногами такъ, чтобы видны были ихъ скрытыя украшенія.

„Женщины, которыя болѣе не родятъ и не надѣются болѣе видти за мужъ, могутъ безъ неудобства снимать свои одежды, все-таки не показывая своихъ украшеній; но если онѣ удержатся отъ этого, то это лучше для нихъ ¹⁾).

Сообразно съ подобными положеніями Корана, у здѣшнихъ татаръ существуютъ слѣдующія пословицы о женѣ и о бракѣ.

Женщина безъ мужа — лошадь безъ узды.

Если у жены длиненъ языкъ, то у мужей руки длинны.

Совѣтъ бабы годится для бабы.

Жена хороша — такъ жена, дурна — такъ заваль въ брюхѣ.

Хорошая жена — жена, а дурная — чортъ.

Пока не пройдетъ мѣсяць, не хвали своей лошади; пока не пройдетъ года, не хвали своей жены.

Берешь лошадь — совѣтуйся съ сосѣдями; берешь жену — совѣтуйся съ родней своей.

Хоть извилиста, да лучше дорога; хоть слѣпая, да дѣвка лучше.

Въ первый разъ выходить замужъ — обычай, во второй — стыдъ.

Какъ у Томскихъ, такъ и у Каинскихъ татаръ жена пріобрѣтается за калымъ и, несмотря на совершеніе брачнаго обряда надъ молодыми, невѣста остается въ домѣ своихъ родителей до уплаты калыма сполна. Положеніе, которое она занимаетъ, перейдя въ домъ мужа, немногимъ выше положенія, занимаемаго женщинами у другихъ инородцевъ, — Остяковъ, Самоѣдовъ, Чулымскихъ: въ отношеніи къ мужу, женщина стоитъ на степени существа низшаго разряда. Разумѣется, бываютъ исключенія и случается, что умная и энергическая женщина забираетъ все хозяйство въ свои руки и ведетъ весь домъ какъ полновластная хозяйка; но это уже — чистое нравственное насиліе, посягательство на права мужа. За татаркою признается одно только право — работать съ утра до вечера, какъ вьючная лошадь. Будь она добра или зла, добродѣтельна или порочна — все равно: положеніе ея не улучшится; она должна заботиться о средствахъ къ поддержанію своего существованія, и единственная ея заслуга и главнѣйшая ея обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ давать наслѣдниковъ своему мужу.

¹⁾ Коранъ Магомета, пер. Николаева. М. 1865 г., сура IV и XXIV.

Кладбища здѣшнихъ татаръ находятся недалеко отъ ихъ селеній. Роца—необходимая принадлежность всякаго татарскаго кладбища. Вокругъ могилы татары дѣлають бревенчатую ограду, чтобы туда не заходилъ скотъ и не нарушалъ покоя умершихъ. Отпѣваніе состоитъ въ чтеніи муллами или абыхами, а иногда и простыми людьми молитвъ сначала на дворѣ дома покойника, потомъ не доходя шаговъ сорока до могилы, наконецъ уже на кладбищѣ; послѣ этого тѣло опускается въ могилу, выкопанную для женщинъ глубже, нежели для мужчинъ; при этомъ наблюдается, чтобы голова покойника была обращена къ западу, въ сторону, гдѣ находится Мекка. Могильщикъ развязываетъ съ обонихъ концовъ саванъ, прикрываетъ покойника досками, изъ которыхъ былъ сдѣланъ гробъ, и потомъ уже забрасываетъ землю.

Въ заключеніе о Томскихъ и Канскихъ татарахъ, представляемъ здѣсь образецъ ихъ пѣсенъ:

„Клубника спѣеть, когда, багровѣя, всходитъ солнце. Дѣвцы влюбляются въ молодца тогда, когда начинаютъ пробиваться усики“.

„Дикій голубъ воркуеть, не зная ни весны, ни осени. Народъ толкуеть объ насъ, не зная, что можетъ и съ нимъ случиться“.

„Твои волосы не заплетутъ въ пять косъ и тебя не выдадутъ за меня. Не выдадутъ, такъ пусть не выдадутъ, да вѣдь не запрутъ же въ сундукъ“.

Черневые татары ¹⁾, получившіе названіе отъ мѣстности, ими занимаемой, покрытой хвойнымъ лѣсомъ и чернѣющей издали, кочуютъ въ сѣверной части Алтая, при озерѣ Телецкомъ, по рр. Біѣ, Лебедю, Томи, Мрасѣ, Кондомѣ, Мандыбату, Пызасу и ихъ притокамъ и живутъ осѣдло улусами и аулами при устьяхъ рр. Кондомы и Мрасы на протяженіи 100 верстъ, по рѣчкѣ Ускату и р. Біѣ. По всей вѣроятности между ними много финскаго элемента, смѣшаннаго съ тюркскимъ и монгольскимъ. Кочевыхъ черневыхъ татаръ считается въ Томской губерніи около 16.354 д. об. п., а осѣдлыхъ 3.498 д. *Телеуты* живутъ отчасти осѣдло, отчасти кочуютъ въ Кузнецкомъ округѣ при рр. Большомъ и Маломъ Бачатахъ и на правомъ берегу Томи, ниже Кузнецка, въ Бійскомъ округѣ въ окрестностяхъ Телецкаго озера и въ долинѣ р. Біи и ея притоковъ. Нѣкоторые относятъ этотъ народъ къ тюркскому, а нѣкоторые къ финскому племени. Телеутовъ считается до 5.788 д. об. п.

¹⁾ Свѣдѣнія объ Алтайскихъ инородцахъ заимствованы нами, главнымъ образомъ, изъ сочиненія О. В. Вербицкаго: Алтайцы. Томскъ, 1870 г.

Сѣверные Алтайцы тѣлосложенія крѣпкаго, роста средняго, лицомъ смуглы, съ черными глазами, выдавшимися скулами, толстыми губами, бѣлыми зубами, черными и притомъ жесткими волосами.

Мужская рубаха у нихъ такъ длинна, что едва не сходится съ оконечностями штановъ, отчего эти инородцы представляются длинно-спинными. На халаты употребляются большею частію или толстый холстъ, или рядной въ родѣ ревендука, приготовляемый самими инородцами. Шубы обыкновеннаго покроя. Войлочные кафтаны покрываются холстомъ и стежатася. Въ верховьяхъ Мрасы мужчины и женщины на верхней одеждѣ и рубахахъ имѣютъ на плечахъ въ 1 вершокъ шириною нашивки синяго или зеленаго цвѣта. Воротники у халатовъ вышиты красною, желтою и синею шерстями. Головы покрываются обыкновенными картузами; шапками круглыми съ остроконечной тульей и высокимъ околышемъ, лѣтомъ—шляпки изъ холста, дабы или нанки, въ родѣ усѣченнаго колпака съ кружкомъ на верху. Волосы стригутся, какъ у русскихъ мѣщанъ. Праздничный нарядъ состоитъ изъ пальто или суконнаго сюртука съ пуговицами, которыя были бы повиднѣе, на прим. изъ бѣлаго желѣза величиною въ серебряный рубль. Сапоги съ красными отворотами, завязанные пониже колѣна шерстяными шнурками съ кисточками. У женщинъ и дѣвушекъ воротъ рубахи стоячій, около 1 вершка шириною изъ чернаго плиса, съ нашитыми большими пуговицами и раковинками. Повязываются платками, завязывая концы на затылкѣ. Женщины заплетаютъ двѣ кѣсы, которыя, будучи соединены въ концахъ, висятъ ниже пояса. Въ торжественные дни надѣваютъ на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которыхъ воротъ и правая пола обшиты позументомъ. Въ косахъ у дѣвушекъ (три, пять, семь, непременно нечетъ) кромѣ пуговицъ, встрѣчается стеклярусъ, бисеръ и маленькіе съ наперстокъ величиною колокольчики, возвѣщающіе издали шествіе этихъ дѣтей природы. Всѣ кочевые инородцы, разъ надѣвши новую рубаху, никогда ее не моютъ и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока она не изорвется въ куски. Осѣдые инородцы, исключая женщинъ Кузнецкаго округа, приняли костюмъ русскій. Телеуты Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными шерстяными чулками, а зимою—высокими краснаго сукна острыми шапками.

Юрты сѣверныхъ Алтайцевъ составляютъ уже переходъ къ избамъ и по внѣшнему виду и по внутреннему устройству. Лѣтнія юрты или дѣлаются изъ стоекъ, обтянутыхъ берестой, или срублены изъ тонкаго лѣса въ четыре стѣны; какъ тѣ, такъ и другія покрыты на два ската берестой. У зимнихъ юртъ бревна положены на мохъ. Много юртъ пятистѣнныхъ съ двумя дверями (одна противъ другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится предъюртіе для поклажи хозяйственныхъ

принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. На одной стѣнѣ съ дверью, по лѣвую сторону ея, — сбитый изъ глины очагъ, который, протянувшись чрезъ всѣ бревна, выходитъ сверхъ крыши. Иногда въ этомъ глиняномъ столбѣ дѣлается полукруглая пещера, въ-родѣ печи, для жаренія кандыка (корень растенія, употребляемый въ пищу) или печенія хлѣбныхъ лепешекъ. По бокамъ пещеры просверлены дыры для палокъ, на которыхъ вѣшаются чайники и котелки. Въ большей части юртъ къ очагу примыкаетъ вверху сплетенный изъ прутьевъ полукруглый колпакъ (чувалъ), обмазанный глиною. Дрова приставляются къ очагу какъ въ каминѣ, дымъ собирается подъ чуваломъ и почти весь улетаетъ изъ юрты. Передъ чуваломъ вверху крыши — продолговатое отверстіе для свѣта; зимою оно накрывается льдиной. По передней стѣнѣ и двумъ боковымъ сдѣланы широкія около аршина возвышенія, отъ полу не болѣе 5 вер., покрытыя берестомъ, каждое лѣто обновляемо. На этихъ возвышеніяхъ удобно сидѣть, лежать и спать. Передняя стѣна противъ очага назначена для гостей. Лѣвая стѣна отъ входа за очагомъ есть мѣсто неприкосновенное ни для кого, кромѣ хозяйской семьи въ самомъ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь никто и никогда не можетъ сѣсть, кромѣ хозяина юрты, его жены и дѣтей. Если въ семьѣ есть братья, сестры хозяина или старуха мать, то они занимаютъ правую сторону отъ входа, въ переднемъ углу которой помѣщаются ручные жернова; къ боку верхняго изъ нихъ придѣлана палка для удобнаго верченія. Полъ юрты насланъ большею частію досками, съ оставленіемъ землянаго полукруга около очага. Значитъ, юрта отличается отъ простой бѣдной избы только тѣмъ, что въ ней нѣтъ потолка и настоящей печи. Впрочемъ, достаточные люди строятъ и настоящія избы и амбары, но только не бросаютъ и юртъ: рядомъ съ избою всегда стоитъ и юрта, потому что въ избахъ множество клоповъ и блохъ, а въ берестяныхъ и бревенчатыхъ, но безъ моху, юртахъ этого добра нѣтъ.

Главное занятіе сѣверныхъ Алтайцевъ есть звѣропромышленность; за нею слѣдуютъ добываніе кедровыхъ орѣховъ, пчелованіе или отыскиваніе въ дуплахъ дикихъ пчель, пчеловодство и рыболовство (при рр. Томи и Мрасѣ). Земледѣліе между ними распространено весьма мало. Изъ домашнихъ животныхъ держатъ только лошадей и то въ ограниченномъ числѣ и очень мало коровъ.

Черневые татары и Телеуты, какъ и всѣ Алтайцы, честны, кротки, гостепріимны, но при-этомъ лѣнны, пристрастны къ вину и нечистоплотны до водобоязни.

Невѣсты у нихъ, большею частію, воруются. Женихъ, подговоривъ невѣсту и получивъ отъ нея въ задатокъ платокъ, по взаимному условію, пріѣзжаетъ за нею ночью на хорошемъ верховомъ конѣ, въ сопровож-

деніи холостыхъ молодыхъ людей. Скрывшюся изъ родительскаго дома невѣсту подхватываютъ эти молодые люди, сажаютъ на подготовленнаго коня и мчатся въ улусъ жениха. Въ этомъ поѣздѣ поводъ невѣстиной лошади всегда бываетъ въ рукахъ жениха.

Прибывъ домой, сдаютъ невѣсту матери жениха или ближайшимъ родственникамъ, а по утру готовятъ супружескій *одахъ*, состоящій изъ 9-ти длинныхъ, тонкоствольныхъ березокъ, примѣрно 10 арш. вышины, съ очищенными отъ комля сучьями, а на верху оставленными въ видѣ метелки. Вершины всѣхъ березокъ связываютъ веревкою, разводять комли въ разныя стороны, отчего и дѣлается остовъ юрты или шалаша, подъ вѣнкомъ березовыхъ листьевъ. Остовъ этотъ покрываютъ берестой съ помощію веревокъ, оставивъ въ него входъ. Женихъ съ невѣстою входятъ въ этотъ одахъ. Первый прежде всего долженъ разложить здѣсь огонь, который никакъ нельзя заимствовать извнѣ одаха, а непременно добыть здѣсь же изъ огнива, причѣмъ замѣчается въ одно мѣсто искры прильнуть къ труту, или не въ одно; послѣднее предвѣщаетъ скорое вдовство которой-либо стороны изъ вступающихъ въ супружество. Пока женихъ высѣкаетъ огонь, невѣста, стоя у двери одаха, одѣляетъ всѣхъ пособляющихъ строить этотъ шалашъ, равно и всѣхъ тутъ присутствующихъ, мѣдными кольцами. Для этихъ подарковъ дѣвухи запасаются съ малолѣтства кольцами и накопляютъ ихъ къ выходу въ замужество до сотни и болѣе. Одахъ или зеленая юрта стоитъ три дня и все это время молодые находятся въ ней безвыходно. По окончаніи трехъ дней, бересту съ веревками снимаютъ, а остовъ относить въ чашу лѣса, приставляютъ къ дереву, гдѣ онъ и стоитъ, пока не сгниетъ. Огня изъ одаха никому нельзя позаимствовать.

Пыры, по случаю вступленія въ супружество, называются *байга*. Одна байга, главная, празднуется у жениха вокругъ одаха и четыре у родителей невѣсты: 1) чрезъ 5—10 дней по уворованіи; молодая чета, въ сопровожденіи родныхъ мужа, съ большимъ количествомъ арака (водки), отправляется къ родителямъ молодой жены *мириться* и договориться — сколько слѣдуетъ внести за украденную дочь *калымъ*. Воровъ встрѣчаютъ съ плетью, которою хотя и не бьютъ, но страшатъ. Богатый зять платитъ калымъ разомъ, бѣдный постепенно, иногда нѣсколько лѣтъ. Случается, что весь калымъ родители невѣсты отдаютъ за нею въ приданое, присовокупляя къ нему и отъ себя, изъ своего имущества, значительную часть. Въ пособіе уплаты калыма принято холостыми инородцами помогать бывшему своему товарищу до 1 р. с. Большому калыму однакоже нечего радоваться. Если жена, за которую внесень богатый калымъ, овдовѣтъ, то ея положеніе, особенно въ первой молодости, очень горестно. Несмотря на то, что женатые члены семейства живутъ каждый въ своей

юртѣ, каждый располагаетъ своею полосою, засѣянную ячменемъ для насущнаго пропитанія, но только въ этомъ онъ и полновластенъ, прочіе же всѣ доходы отъ промысловъ и другіе всѣ отдаются главѣ семейства. Такимъ образомъ, вдова остается при одномъ ячменѣ и вѣчною невольницею своего свекра, купившаго ее какъ вещь и который ни одной копѣйки не сбавитъ съ новаго покупателя, еслибы такой выискался. А какъ калымъ дорогъ, то охотниковъ на вдову вовсе не находится. Счастье ея, если она имѣетъ возмужалаго холостаго девера, который часто, по древнему закону іудеевъ, возстановляетъ сѣмя брата своего. Супружества совершаются большею частію весною. Если невѣста выйдетъ прежде крика кукушки, то мировая байга отлагается до тѣхъ поръ, пока не закукуетъ эта птица. 2) Чрезъ мѣсяць по выходѣ дѣвушки, бываетъ табачная байга, на которой родные молодого мужа дарятъ родственниковъ жены папушами табаку. 3) Мясная байга, съ приводомъ коровы или быка на убой, бываетъ у богатыхъ людей послѣ уборки хлѣба, у менѣе богатыхъ — годъ или два спустя, а у бѣдныхъ когда случится. 4) На послѣднюю байгу приводится лошадь и зарѣзывается для пирушки. На всѣхъ байгахъ главную роль играетъ арака — общая со всѣхъ сторонъ, отъ родныхъ мужа и жены и отъ гостей, изъ которыхъ каждый везетъ или несетъ на байгу этой живительной влаги по туесу (буракъ изъ бересты). На байгахъ пьютъ, поютъ, пляшутъ, играютъ и бѣгаютъ въ запуски, выигрывая платокъ, халатъ или сапоги.

У Алтайцевъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, жена, изъ особеннаго уваженія, никогда не произноситъ имени мужа и всѣхъ его родныхъ; въ юрту отца своего мужа она далѣе порога ходить не смѣетъ, головы и ногъ предъ нимъ не обнажаетъ, изъ рукъ въ руки ничего не передаетъ. И наоборотъ, свекоръ свободно съ снохою не обращается, никогда съ нею не шутитъ, въ ея присутствіи непристойностей не произноситъ и бѣжитъ отъ нея, когда увидитъ, что она чешетъ волосы или разувается.

Въ супружествѣ Алтайцы большею частію вѣрны, вообще не развратны и чрезвычайно чадолюбивы.

На женщинѣ лежатъ рѣшительно всѣ домашнія работы. Она шьетъ обувь, одежду, высиживаетъ араку, приготовляетъ дрова, нося на спинѣ навалившіяся отъ вѣтра лѣсины, осѣдливаетъ и навьючиваетъ коней и т. п.; кромѣ того, копаетъ землю для посѣва ячменя, полетъ свою пашню, заготовляетъ на зиму кандыкъ, косить сѣно и приготовляетъ на халаты мужа двойную ткань, въ-родѣ ревендука, изъ конопил.

Когда умретъ мужъ, женщина, вмѣсто траура, носитъ вывороченную на изнанку шубу отъ 1 до 7 дней.

Алтайскіе калмыки кочуютъ въ южной части Алтая въ Бійскомъ

округѣ, при рѣкахъ Чарышѣ, Катунѣ и ихъ притокахъ; *калмыки-двоеданцы*—тамъ же, по рр. Чуѣ, впадающей въ Катунь, Башкаусу и Чулышману, протекающимъ въ Телецкое озеро, на Курайской и Чуйской долинахъ и по р. Тополевкѣ, впадающей въ р. Аргуть. Первыхъ считается 11,827 д. об. п.; вторыхъ до 2000 д. м. п.

Господствующій типъ южныхъ Алтайскихъ инородцевъ—средній ростъ, сухопарость, лицо плоское, лобъ небольшой, скулы выдались, волосы и брови, какъ смола, черные, жесткіе какъ конская грива, глаза ушли подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и отъ того разстояніе между глазъ кажется значительнымъ, у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды, или оголеніе подбородка посредствомъ выдергиванія рѣдкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до теменѣ, на которомъ оставленъ пучъ длинныхъ волосъ и заплетенъ въ косу. Женщины и дѣвушки убираютъ свои волосы точно такъ же, какъ инородки сѣвернаго Алтая. Ноги южныхъ Алтайцевъ, большею частію, кривыя отъ ихъ привычки постоянно ѣздить верхомъ и притомъ въ короткихъ стременахъ и отъ поджатаго сидѣнія на полу. Походка съ переваломъ изъ стороны въ сторону съ широкимъ шагомъ, отъ привычки ходить на лыжахъ.

Лѣтняя одежда мужчинъ состоитъ изъ дабовой, китайчатой или ситцевой рубахи съ косымъ воротомъ и короткихъ холщевыхъ штановъ со шнуромъ около талии, одинъ конецъ котораго едва не достигаетъ до земли. Въ жаркіе дни рубашка снимается. Сверхъ рубашки при случаѣ надѣвается нанковый или дабовый халатъ съ широкими рукавами въ плечахъ, съ каймою на правой полѣ и подолѣ и съ красными нашивками на рукавахъ, идущими полосами, начиная отъ локтя. Кромѣ халата, употребляется еще кожанъ изъ дымленой кожи лошадиной или дикихъ козъ. Зимняя одежда состоитъ изъ кафтановъ, сшитыхъ изъ мягкой кошмы, и шубъ бараньихъ бѣлой шерсти, простыхъ или крытыхъ илисомъ, нанкой или дабой, съ каймою, какъ у халата. Ноги обуты лѣтомъ и зимой въ кожаные, легкіе, остроносые сапоги безъ каблуковъ, съ широкими голенищами, и чулки изъ кошмы. Зимой инородцы надѣваютъ еще на себя дохи или *ми* изъ дикихъ козъ, шерстью вверхъ, а на ноги *кты* (сапоги изъ кожи этихъ же животныхъ, снятой съ ногъ) шерстью вверхъ. Въмѣсто чулокъ, наворачиваютъ на ноги или мягкую, пушистую траву, наподобіе осоки, которая называется *засадомъ*, или мелкую травку, называемую ойотомъ. Сверхъ одежды подпоясываются ремнемъ, на которомъ на отдѣльныхъ ремешкахъ привѣшены въ деревянныхъ или кожаныхъ ножнахъ ножъ и огниво въ кожаной оправѣ съ сумочкою для кремня и твута! Шапки и зимой и лѣтомъ непрогообразной суженной сзади формы, съ околышемъ изъ черной мерлушки, соболя или лисицы, тульею желтою, зеленою или красною съ разноцвѣтнымъ

кружкомъ посрединѣ и двумя назади лентами, которыми завязывается околышъ. Изъ-подъ шапки виситъ коса или свободно или съ привязанною къ ней большою пуговицею. Женскій нарядъ, съ нѣкоторою разницею, тотъ же, что и мужской. Въмѣсто рубахи, лѣтомъ женщины надѣваютъ *чегэдэкъ* изъ дабы, китайки или нанки, преимущественно синяго цвѣта. Покрой чегэдэка походить на покрій фрака съ длинною таліей; кромѣ рукавовъ, у него есть и другія отверстія для рукъ, а рукава дѣлаются только для красоты. Чегэдэкъ кругомъ обложенъ лентой яркаго цвѣта, застегивается подъ шейю двумя красными стеклянными пуговицами. Зимой онъ надѣвается сверхъ шубы. По всей косѣ насаживаются мѣдныя пуговицы; концы косъ должны быть непременно ниже пояса и если этому не дозволяетъ природа, то помогаютъ искусствомъ, привязывая къ концамъ шнуры изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою нанизями изъ пуговиць, корольковъ и раковинокъ, лежащими назади полукругомъ. На концѣ косъ привязываютъ и ключи. Все это, вмѣстѣ взятое, представляется чѣмъ-то въ—родѣ панцыря, производя шумъ и громъ при малѣйшемъ движеніи. Серьги употребляются, большею частію, мѣдныя или оловячныя съ бѣлымъ птичьимъ пушкомъ; къ нимъ придѣланы на шнурахъ подвязи изъ пуговиць, соединенныхъ съ косами. Околышъ на шапкахъ щеголихъ можно встрѣтить изъ шеекъ дикихъ селезней, что очень красиво.

Какъ народъ кочевой, южные Алтайцы живутъ въ юртахъ. По наружному виду своему юрты бываютъ или *коническія* изъ жердей, соединенныхъ кольцами изъ прутьевъ и обложенныхъ корою сосны, лиственницы, березы или обтянутыхъ войлокомъ, или войлочныя же съ рѣшетчатыми складными стеклами, *имѣющія видъ хлѣбнаго скурда*. Дверь въ юрту или деревянная, или изъ кошмы, звѣриной кожи и т. п. Среди юрты и днемъ и ночью, и зимой и лѣтомъ горитъ огонь; дымъ проходитъ въ отверстіе, сдѣланное на верху. Позади огня на стѣнѣ, противоположной двери, наставлены идольцы, около 4 верш. длины, тоненькіе, съ большими головами, съ пуговицами вмѣсто глазъ. Въ рядъ съ ними веревка съ 9 тряпичками (солго), изъ которыхъ средняя имѣетъ видъ животнаго. Недалеко отъ солго виситъ иногда мѣдный колокольчикъ, въ ушкѣ котораго воткнуты три нестрыхъ пера какой-то птицы. Тутъ же затыкаютъ за кольцо, огибающее юрту, телячью брюшину, чтобы водился скотъ, и нѣсколько остатковъ тетеревовъ, чтобы птицы попадались на глаза, а равно и закопченныя шкурки небольшихъ звѣрковъ. По другимъ стѣнамъ навѣшены ружья, конскія кишки съ масломъ, кашканы, нагайки и т. п. На землѣ, подъ солго, поставлены выючныя кожаныя сумы съ различнымъ имуществомъ, покрытыя коврами и служащія постелью почетнымъ членамъ юрты. По сторонамъ сумъ, безъ которыхъ кочевникъ

не может обойтись ни въ одной, самой незначительной перекочевкѣ, близъ самыхъ стѣнъ привязаны на чумбурѣ ягнята и козлята. Подалѣе отъ стѣнъ, ближе къ огню, помѣщаются вещи, принадлежащія кухнѣ и конюшнѣ, — берестяной коробъ съ ячменемъ, рѣшето изъ сыромятной кожи, бураки изъ бересты, сѣдла, потники и т. п. Около самаго огня, на корточкахъ, помѣщаются полунагіе хозяева юрты, съ совершенно нагими дѣтьми и посторонніе, если есть, съ трубками въ зубахъ.

Кромѣ звѣропромышленности и собиранія кедровыхъ орѣховъ, южные Алтайцы занимаются преимущественно скотоводствомъ, чему особенно способствуютъ богатые питательными травами долины, по которымъ они кочуютъ.

Часть южныхъ Алтайцевъ исповѣдуетъ христіанство; однакоже большая часть идолопоклонники.

Свадебные обряды у южныхъ Алтайцевъ очень занимательны и дышать своего рода поэзіей.

Молодой человѣкъ, задумавшій жениться, посылаетъ къ родителямъ избранной имъ дѣвушки нѣсколько человѣкъ сватовъ. По прибытіи въ юрты, одинъ изъ сватовъ становится передъ отцомъ невесты на колѣни и говоритъ слѣдующую рѣчь: „ я пришелъ, преклоняя колѣни предъ порогомъ твоимъ; я пришелъ, кланаясь веревѣ твоей; я пришелъ и радуюсь твоему житью-бытью; я пришелъ головы просить! Пусть сватовство будетъ подобно щекамъ неразлучающимся; пусть будетъ, какъ желѣзная кольчуга съ воротникомъ неразрывнымъ; пусть будетъ родство между нами подобно слоямъ бересты; пусть будетъ какъ шелковый шовъ! Я пришелъ просить черенъ для ножа, у котораго его нѣтъ. Назадъ тому девять колѣнъ война была; я пришелъ заключить миръ; пришелъ, радуясь твоему житью-бытью; пришелъ, чтобы сватовство было между нами. Какой отвѣтъ дадите?“

Говоря такимъ образомъ, первый свать, не вставая съ колѣнъ, держитъ передъ отцомъ трубку, набитую табакомъ, обративъ ее къ нему чубукомъ; другой свать держитъ въ то же время зажженный древесный труть, чтобы тотчасъ же зажечь табакъ, когда отецъ протянетъ руку къ губкѣ. Это всѣми принятый знакъ, что предложеніе не противно и что сватовство непременно состоится. Иногда случается, что этотъ знакъ подаютъ и не такъ скоро: отецъ ссылается на мать невесты, или что надо посоветоваться съ братьями; когда всѣ родные изъявляютъ согласіе, тогда приступаютъ къ условію о количествѣ калыма. Отецъ невесты, обращаясь къ первому свату, говоритъ: „глазъ мой глубокъ и животъ мой широкъ“. Свать соглашается на все безирекословно, и трубка мира и согласія немедленно закуривается. Въ это время первый свать встаетъ съ колѣнъ, а другіе сваты, стоявшіе доселѣ неподвижно, проворно под-

носят *ташауры* (большіе кожаные сосуды) съ кумысомъ и виномъ. Круговая чаша весело и скоро переходитъ изъ рукъ въ руки. Попировавъ приличное время, сваты прощаются столь же высокопарными выраженіями, какъ и въ началѣ сватанья, и ѣдутъ къ жениху; передаютъ ему условія о родѣ и количествѣ калыма. Безъ пирушки, разумѣется, не обходится и у жениха.

Когда все будетъ готово, тогда назначаютъ день, въ который невеста должна будетъ переѣхать къ жениху. Два молодыхъ человѣка (друзки) верхами подѣзжаютъ къ юртѣ невесты; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по небольшой березкѣ и къ нимъ прикрѣплена занавѣска. Подъ невесту подводится особая осѣдланная лошадь. Эти дружки поѣдутъ по сторонамъ невесты, держа передъ нею укрѣпленную къ березкамъ занавѣсь до самой новой юрты ея жениха; во все это время она не должна видѣть ни дороги, ни новой юрты прежде, чѣмъ въ нее войдетъ. Само собою разумѣется, что ее будетъ сопровождать большой поѣздъ.

Вотъ все готово къ отъѣзду. Юрта невесты биткомъ набита ея родными, подругами, знакомыми, любопытными. Отецъ и мать напутствуютъ ее благословеніями и наставленіями, какъ жить въ чужой семьѣ и проч. Потомъ входятъ въ юрту семь престарѣлыхъ калмыковъ, нарочно приглашенныхъ для совершенія обряда „*алмышъ сезъ*“, благословенія невесты, который состоитъ въ слѣдующемъ:

Невеста кланяется въ землю передъ домашнимъ очагомъ, на которомъ въ это время непремѣнно долженъ горѣть огонь, потомъ въ ноги отцу и матери и говорить:

Очи богатаго Ульгена да видятъ меня!

Солнце и луна! вамъ голова моя!

Семь старцевъ! благословите меня!

Первый старикъ.

Да коснутся тебя очи Господа Бога!

Да придетъ на тебя благословіе стараго человѣка!

Да коснутся тебя очи Великаго Бога!

Да придетъ на тебя благословіе великаго человѣка!

Спереди тебя пусть мѣсяцъ свѣтитъ;

Сзади пусть солнце освѣщаетъ!

Второй.

На высококомъ мѣстѣ поставь домъ твой;

Плотно утверждается доможителство твое!

Пусть жилье твое будетъ красиво;

Каменный таганъ твой пусть будетъ крѣпокъ;

Огонь твой пусть будетъ неугасимъ!

ТРЕТІЙ.

Стойбище твое пусть изобилуетъ тепломъ;
 Какъ толокно, пусть будетъ зола у тебя;
 Земля, тобою попираемая, пусть будетъ тверда;
 Мѣсто жительства твоего пусть будетъ согрѣто;
 Мѣстохожденіе твое пусть будетъ исполнено веселья.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жизнь твоя пусть будетъ продолжительна;
 Лѣта твои да будутъ безконечны;
 Сто лѣтъ живи и здравствуй;
 Умъ твой пусть будетъ весель;
 Мысль твоя да будетъ свѣтла.
 Подобно тальнику, развѣтвляясь, разростайся;
 Какъ многостеблестное просо становись;
 Умножайся больше овцы многомятной;
 Множься больше глухаря многочаднаго!

ПЯТЫЙ.

На переднія поля твои чтобъ дѣти наступали;
 За подоломъ сзади пусть скотъ гонится;
 Трехлѣтнія кобылы твои пусть жеребятся;
 Четырехлѣтній скотъ твой пусть плодится;
 Что только родится пусть живетъ и плодится;
 На холмистыхъ мѣстахъ паси скотъ твой;
 Хотя бы гдѣ и нельзя получать прибыли, получай;
 Хотя бы гдѣ и нельзя изловить звѣря, изловляй!

ШЕСТОЙ.

Щекастому (т. е. злоязычному) не будь предана на злословіе;
 Плечистому (сильному) будь неодолима;
 Противъ наступающаго на тебя будь крѣпка, какъ желѣзо;
 Съѣденная тобою пища пусть будетъ питательна;
 Хлѣба-соли пусть будетъ у тебя много;
 На бѣгунахъ ѣзди;
 Кони твои да не знаютъ устатка;
 Спина твоя и руки да не болятъ;
 Подмышки твои пусть не ноютъ.

СЕДЬМОЙ.

Богъ твой да укрѣпитъ тебя;
 Да умножится потомство въ слѣдованіи за тобою;
 Создавъ чадъ твоихъ, къ красотѣ наслѣдственной еще да прибавить;
 Къ блаженству ихъ пусть еще прибавитъ блаженства!

Послѣ произнесенія этого *алмышъ сезъ*, невѣста отправляется къ жениху. По прибытіи въ его юрту, она кланяется сперва огню, кладетъ въ него кусокъ мяса и кусокъ масла, также брызжетъ на огонь брагой въ видѣ жертвоприношенія.

О пирахъ по случаю вступленія въ супружество, о положеніи въ чужомъ семействѣ женщины-вдовы, о занятіяхъ и о трудѣ женщинъ у южныхъ Алтайцевъ должно сказать почти тоже самое, что сказано уже объ этихъ предметахъ у сѣверныхъ.

Въ заключеніе, приводимъ нѣсколько пѣсенъ Алтайскихъ инородцевъ, относящихся до быта женщины между ними:

I.

Звѣрь, не находя свое дитя,
Въ сокрушеніи ходя, дни проводитъ;
Взлелѣянное свое въ люди выдавая,
Отецъ въ слезахъ проводитъ дни.
Козель, не находя своего козленка,
Въ томленьи, ходя, дни проводитъ;
Нѣжное свое въ люди отпуская,
Мать въ слезахъ проводитъ дни.

II.

По мѣсяцу сшитый твой занавѣсъ,
Золотомъ пусть покажется глазамъ твоимъ;
Съ благословіемъ выданное чадо наше
Въ юртахъ мужниныхъ родныхъ другомъ пусть будетъ.
При солнцѣ сшитый твой занавѣсъ
Серебромъ пусть покажется глазамъ твоимъ;
Съ сердечнымъ желаніемъ взятая,
Мужу своему подругой пусть будетъ.

III.

Ходилъ я, ходилъ по бѣлому камню;
Трещины въ бѣломъ камнѣ не нашель.
Выбираль я, выбираль породу;
Ахъ, красивѣе тебѣ не нашель.
Ходилъ я, ходилъ по синему камню;
Щели въ синемъ камнѣ не нашель.
Выбираль я, выбираль изъ многихъ.

IV.

Какъ золотиственна
Береза бѣлая,—не она ли это?

Распустившая по спинѣ волосы,
 Не моя ли это взятая (т. е. жена), не она ли это?
 Какъ сребролиственная
 Тополь зеленая,—не она ли это?
 По плечамъ волосы распустившая,
 Не моя ли это усмотрѣнная, не она ли это.

V.

Верхушки сочной травы жадно хватавшій,
 Сивка мой, гдѣ ты находишься?
 Съ желтѣющими по спинѣ волосами,
 Взятая моя, гдѣ ты находишься?
 Вершины зеленой травы много хватавшій,
 Сѣрко мой, гдѣ ты, живъ что ли?
 Съ желтѣющими по плечамъ волосами,
 Подруга моя, гдѣ ты, жива что ли?

V.

Гусь мой! куда ты машешь,
 Утомляя мышцы крылъ твоихъ?
 Сердечный мой! куда идешь ты,
 Обоженное мое сердце обжигая?
 Лебедь мой! куда ты машешь,
 Утомляя мышцы вертлюговъ твоихъ?
 Утѣха моя! куда идешь ты,
 Опаленное сердце мое опалая?

VII.

Когда былъ у меня Баянъ-богатырь, носила я шубу
 Канфовую съ золотымъ воротникомъ;
 Не стало боярина моего, стала и носить
 Какой и рабыни не носятъ—бѣдный кожанъ.
 Когда былъ мой бояринъ, ѣла я хлѣбъ—
 Китайское просо (рисъ) и ѣла!
 Не стало моего боярина, ѣмъ хлѣбъ мой,
 Какого не ѣдятъ рабы—крупну истолченную.
 Баянъ-богатырь былъ статный, красивый собою;
 Постель моя съ нимъ была полна утѣхъ;
 Кладовыя мои были полны богатствъ;
 Лебеди не смѣли сѣсть на его озеро:
 Теперь прожорливыя вороны будутъ садиться.
 Лиходѣи мои не смѣли подходить близко;

Теперь придутъ скажутъ: все, что есть, наше!
 Гуси не смѣли садиться на его озера:
 Теперь нечистыя вороны будутъ садиться;
 Люди, близко подойти не смѣвшіе,
 Мнѣ скажутъ: „и ты наша,
 А твой Баянъ-богатырь въ Иртышѣ!“

Кн. Н. Костровъ.

ИМЯНИННИКУ

СТИХОТВОРЕНІЕ А. БЕСТУЖЕВА.

Печатаемое нами стихотвореніе принадлежит перу Бестужева. Оригиналъ ихъ находится у г. Губарева въ Николаевскѣ (на Амурѣ). Мы печатаемъ его съ копій, снятой штабсъ-капитаномъ Степановымъ.

Стихотвореніе адресовано *Өедоту Өедотовичу Колосову* при слѣдующей припискѣ:

Р. С. Я надѣюсь, вы извините меня, что я не приду сегодня поздравить васъ лично. Причины вамъ извѣстны, вамъ искренно (слѣдуетъ подпись А. Б—въ).

Къ печатаемому нами стихотворенію принадлежитъ еще прибавленіе въ стихахъ, къ сожалѣнію, недоступное напечатанію по содержанию (въ эротическомъ смыслѣ).

О личности Ө. Ө. Колосова мы можемъ сообщить немного свѣдѣній. Онъ извѣстенъ только, какъ управлявшій въ тѣ времена откупомъ. Кажется, вся дѣятельность его ограничивалась откупной службой. Долгое время онъ жилъ въ Камчаткѣ и Охотскѣ, за тѣмъ водворился въ Якутскѣ, гдѣ была его контора и гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ братьями. Теперешнему Колосову, бывшему Якутскому городскому головѣ, стяжавшему извѣстность, какъ главнѣйшій, чтобъ не сказать, единственный торговый дѣятель въ Якутскомъ краѣ, онъ, кажется, приходится дядей. О нравственномъ характерѣ личности Өедота Өедотовича наши свѣдѣнія до того ограничены, что приходится вѣрить слуху, что онъ служилъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ Бестужева: этотъ слухъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ личности самаго Бестужева и въ содержаніи не печатаемого нами, по законной причинѣ, прибавленія.

Издатель.

Я, пробужденный раннимъ звономъ,
 За васъ угоднику хочу
 Поставить, съ набожнымъ поклономъ,
 Свою смиренную свѣчу.
 И, какъ елей, къ отцу святому
 Моя молитва потечеть:
 Да здравствуетъ утѣха дому
 Одноименникъ твой Ѳедотъ.
 Вели, чтобъ на него дождили
 Рубли рѣкой. Да повели
 Чтобы всегда сохранны были
 Его кони и корабли!
 Чтобы птенцы его росли
 Со всякимъ днемъ умнѣй и крашѣ,
 Чтобъ у него, какъ въ полной чашѣ,
 Велось пріятелямъ вино,
 А бѣднымъ лишнія копѣйки;
 Росло сторицею зерно,
 Плодились куры и индѣйки...
 И продолжи, какъ ленту, вновь
 Къ нему и дружбу и любовь!
 Чтобы по прежнему сосѣды
 Твердили: онъ душа бесѣды!
 И поль прекрасный говорилъ
 Ѳедотъ Ѳедотычъ очень милъ!
 Какъ онъ привѣтливъ и забавенъ
 Услужливъ и весело нравенъ!
 Такъ отъ заштатнаго поэта,
 Не осуди, прошу принять
 Слова не лѣстнаго привѣта,
 На немъ души моей печать.

1828 г. Марта 2-го, Януктскъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ 2-мъ выпускѣ 1-го тома Сборника

Страница. Строка. Напечатано. Слѣдуетъ читать.

Женщина у инородцевъ Томск. Губ.

35	8 св.	только	только
—	12	этому	этого
40	6	не она ли это.	не она-ли это?